Достоверное описание жизни и превращений NAUTILUSa из POMPILIUSa

Илья Валерьевич Кормильцев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сверхновая «Nautilus Pompilius» взорвалась в 1987 году. Загадочная группа из Свердловска моментально побила все рекорды совковой популярности, таинственный юноша на сцене очаровывал всех, от бабушек до внучек, сотни километров магнитофонной пленки истирались до дыр… В 1988 «Нау» гремел по стране, как некогда разве что Кобзон с Пугачевой, строчки хит-парадов пестрели сплошным «Наутилусом», группе прочили большой будущее, большие деньги и т. д., и т. п. В году 89-ом в нарушение всех пророчеств «Наутилус» стал загадкой года, ни концертов, ни записей, ни даже слухов о нем раздобыть было практически невозможно. Еще через год Бутусов опять появился на музыкальном небосклоне, повзрослевший, новый, с новыми песнями, с другими песнями. С другими музыкантами.

И в немногочисленных интервью старательно уходил от вопросов, которых было предостаточно. Он просто пел свои песни. И старался, кажется, не задумываться о прошлом… В чем был не одинок. Дима Умецкий, его бывший напарник, чуть ли не брат, с которым вдвоем они и создали когда-то группу «Наутилус», уже не раз заявлял, что он такого названия, «Наутилус» — вообще не знает. Да и остальные, бывшие и настоящие, к прошлому по сей день обращаются без особой охоты. Но все-таки оно было, прошлое.

- Илья КОРМИЛЬЦЕВ
  - Часть 1
    - Вместо введения
    - 1. Из жизни архитекторов
    - 2. Группа из Промобщаги
    - 3. Пантыкин и «Переезд»
    - 4. Агитки, крестьяне и первокурсники
    - 5. Конец «Наутилуса»
  - Часть 2. Невидимка
    - 1. Некоторые сведения относительно невидимки
    - 2. Как встретились Наутилус с Помпилиусом, Бутусов с Кормильцевым, а все остальные — с Аленом Делоном
    - 3. Ветер перемен и ветер обратно
    - 4. Первый концерт и альбом, которого нет
  - Часть 3. Прорыв
    - 1. Концерт имени Пантыкина
    - 2. Косвенное обоснование необходимости

Могилевского, профессионализма и др
- 3. Лето, фестиваль и «Разлука»
- 4. Премьера песни

○ Часть 4. С песней по ступенькам
- 1. Гастроли с барьерами
- 2. Пленум невеселых композиторов
- 3. На Поклонной горе
- 4. Счастливый конец счастливого года

○ Часть 5. Скованные
- 1. Январь и метаморфозы
- 2. «Казнь тишины»
- 3. Деление на разных основаниях
- 4. Рок-н-ролл, равенство, братство и Бутусов
- 5. К вопросу о финских автостоянках, советских таможенниках и безработных музыкантах

○ Часть 6. По дороге в Коломяки
- 1. Быть с тобой
- 2. «Человек без имени» и будущего
- 3. Горький плод лауреатства
- 4. Прощание

○ Часть 7. Второе дыхание наугад
- 1. Зима-весна — 90. Дебют в Берлине, концерты в Свердловске, тур по Прибалтике
- 2. Russians are comming!
- 3. Немецкий след
- 4. «Наугад», «Родившийся в эту ночь»
- 5. Штурм Москвы

○ Часть 8. Чужая земля
- 1. Старый новый барабанщик
- 2. «Рок против террора» и рок против «Наутилуса» (фестиваль в поддержку жертв Чернобыля в Минске)
- 3. «Наутилус» в Японии: иллюзии и реальность
- 4. Юридический фасад «Наутилуса»
- 5. «Чужая земля»

○ Часть 9. С песней по жизни
- 1. «Чужая земля» — запись в Москве
- 2. Тур с анонимным альбомом
- 3. Возвращение Комильцева

○ Часть 10. В поисках отчета
- 1. Кризис
- 2. Отчет за 10 лет. Концерты в Израиле
- 3. Развал. Уход Воеводина
- 4. В поисках выхода

- 5. Новый продюсер. Битва за фирму
- 6. Запись «Титаника»

○ Часть 11. Титанический успех
- 1. Поиск оптимальных вариантов
- 2. Новые директора, новая политика
- 3. Новый лидер-гитарист
- 4. Взятие «России»
- 5. «Наутилус» и вывод войск из Гемании
- 6. Смена директоров

○ Часть 12. Новые крылья
- 1. Год «Крыльев»
- 2. Галопом по Европам
- 3. «Крылья» над Москвой

○ Часть 13. Начало наутилусоведения
- 1. Акустические планы

Илья КОРМИЛЬЦЕВ
Достоверное описание жизни и превращений NAUTILUSa из POMPILIUSa

Часть 1
Алибутилус

Вместо введения

Сверхновая «Nautilus Pompilius» взорвалась в 1987 году. Загадочная группа из Свердловска моментально побила все рекорды совковой популярности, таинственный юноша на сцене очаровывал всех, от бабушек до внучек, сотни километров магнитофонной пленки истирались до дыр… В 1988 «Нау» гремел по стране, как некогда разве что Кобзон с Пугачевой, строчки хит-парадов пестрели сплошным «Наутилусом», группе прочили большой будущее, большие деньги и т. д., и т. п. В году 89-ом в нарушение всех пророчеств «Наутилус» стал загадкой года, ни концертов, ни записей, ни даже слухов о нем раздобыть было практически невозможно. Еще через год Бутусов опять появился на музыкальном небосклоне, повзрослевший, новый, с новыми песнями, с другими песнями. С другими музыкантами.

И в немногочисленных интервью старательно уходил от вопросов, которых было предостаточно. Он просто пел свои песни. И старался, кажется, не задумываться о прошлом… В чем был не одинок. Дима Умецкий, его бывший напарник, чуть ли не брат, с которым вдвоем они и создали когда-то группу «Наутилус», уже не раз заявлял, что он такого названия, «Наутилус» — вообще не знает. Да и остальные, бывшие и настоящие, к прошлому по сей день обращаются без особой охоты. Но все-таки оно было, прошлое.

1. Из жизни архитекторов

«Они ездили в агитки в Архитектурном институте.
Чтобы картошку не копать, они ездили в агитки…»

Егор Белкин

А начиналось все в 1978, когда в Свердловский архитектурный институт поступили Бутусов Вячеслав и Умецкий Дмитрий. И отправились на картошку в деревню Мамино. Работали от зари до зари, а вечером студенты, у кого сил хватало, жгли костер, развлекались, как могли. Там, у костра, и возник прообраз будущего «Наутилуса» под названием «Медный таз». Таз и правда был, натурально медный, нашли его абитуриенты Умецкий и Гончаров на свалке. Гончаров по нему колотил, Умецкий бренчал на гитаре, пели оба, звучало, по воспоминаниям очевидцев, ужасно, но бодро. Там же, у костра сидел вечерами и Слава Бутусов. Его называли «Отдельный герой»: красивый, небритый юноша, он слишком явно выдавался из общей массы. Нетрудно догадаться, что этот «герой» и составил основную конкуренцию группе «Медный таз».

Слава пел «Отель Калифорния», чрезвычайно популярную тогда песенку «Иглз» с псевдоанглийской тарабарщиной вместо слов. Пел низким, хриплым голосом, о нем до сих пор вспоминают тогдашние абитуриенты и особенно абитуриентки… Одним словом, обратил на себя внимание. И девочек, которые провожали Славу очень пристальными взглядами, и парней, которые этим девичьим взглядам не очень-то радовались, и — заметим особо — основателя группы «Медный таз» Димы Умецкого.

Потом пошла учеба. В Архитектурном институте всегда было принято хоть чем-то, но выделяться, производить впечатление творческое, и тут студенту Бутусову талантов было не занимать: его рисунки уже на абитуре расходились по рукам, в аудиториях преподаватели выделяли его сразу и однозначно, а годы спустя чуть ли не хором жалели, что такой архитектурный талант пропадает. Талант, правда, имел обыкновение задумывать проекты великолепно, но «до ума» доводил их редко, интерес пропадал. Весьма существенное свойство, о котором единогласно вопиют очевидцы, заключалось в некоторой славиной мягкотелости, странно дополнявшей очевидную славину

талантливость.

Умецкий тоже был явно не без талантов, хотя и несколько особенных: своеобразен, смешил всех, кого ни попадя, хохмил, балагурил, внешность имел нарочито несерьезную; но иногда за шутовством проглядывало умное лицо очень непростого человека. Редко и незаметно. И как раз Умецкий высказывал время от времени идею: а не создать ли рок-группу?.. Высказывал разным людям, один соратник у него был: Игорь Гончаров, рубаха-парень, душевный, симпатичный, вечно с улыбкой до ушей. Нужен был еще как минимум один… Тогда и стал Дима присматриваться к Бутусову.

А Бутусов ни о каком рок-н-ролле не думал, Бутусов свободное время проводил в редакции институтской газеты «Архитектор», в те годы месте популярном, там была своя, особая, веселая жизнь. В которую как раз и вламывался время от времени рок-н-ролл… Так что первое столкновение славино с музыкой происходило в рамках обстоятельств журналистских: в 1981 году состоялся первый свердловский рок-фестиваль, прошедший под эгидой Архитектурного института («САИ-1981»), освещением которого и занималась газета «Архитектор». И Слава по заданию редакции брал интервью сперва у Насти Полевой, тогда солистки «Трека», а затем, отчаянно робея, у лидера группы «Урфин Джюс» Александра Пантыкина. Робел, кстати сказать, не на шутку, даже попросил для храбрости дать ему девочку в помощники… Сам Пантыкин такой эпизод не помнит.

Однако, между редакцией и знаменитым рокером завязались кое-какие отношения, и вскоре Сан Саныч Пантыкин попросил архитекторов нарисовать эмблему «Урфин Джюса». И Бутусов изобразил «козью ножку», до сих пор красующуюся на обложке альбома «УД» «Путешествие»… Изобразил, кстати говоря, наскоро, черной шариковой ручкой, доделывать пришлось его однокурснику и приятелю Ильдару Зиганшину. Слава редко что доделывал, ему всегда было некогда.

Вскоре он уже вместе с Зиганшиным придумали еще одну хохму, тоже связанную с рок-н-роллом. Вот как вспоминает о ней Ильдар: «Журнал тогда польский был, „Шпильки“, страшно нам нравился. И не помню, кто первый принес рисунки на пантыкинские песни, но появилась идея сделать парню подарочный альбом из этих пакостей. Берешь строчку из песни, она сама по себе абсолютно абсурдна и предполагает все, что угодно, а туалетная манера рисунков подходит ко всему; чем пафоснее, тем круче получается… Рисовалось все левой рукой, была у нас со Славой договоренность, что мы правой рукой не рисуем, только левой. Постепенно получились эти два альбома —

„Путешествие“ и „Пятнадчик“. И торжественно Сашке их вручили. Я так подозреваю, он потом еще долго обижался…» Впрочем, дружбы с Пантыкиным тогда не получилось, так себе, шапочное знакомство после фестиваля.

Который оказал довольно сильное влияние еще на одного архитектора, на Диму Умецкого. После фестиваля именно Дима предпринял шаги, приведшие в конечном счете к появлению «Наутилуса». Шаги заключались в том, что Дима стал регулярно захаживать в редакцию газеты «Архитектор» и со Славой разговоры разговаривать… Вспоминает Зиганшин: «Слава, он инертный человек, но Дима чувствовал, что этот человек „вывезет“. Это понятно было любому, даже не в плане музыки, а во всех планах. Славу можно было приставить к любой совершенно области, и он бы „вывез“. Дима это понимал, Дима его и сбил с пути истинного. Другое дело, что Слава сам был абсолютно к этому готов. Хотя были какие-то легкие препирания, насчет „будет ли это хорошо, перспективно ли“?..»

2. Группа из Промобщаги

Как бы то ни было, скоро Дима со Славой стали захаживать в общежитие, известное как «Промобщага». Там жил Гончаров, там же было место для репетиций, небольшой зал, который использовался то как столовая, то как бар, а потом превратился в дискотеку… В нем новообразовавшаяся команда, троица студентов, известная уже многим своим балагурством, мастерством по части выпить, повеселиться, стала на гитарах тренькать…

Скоро дотренькались до того, что стали во время дискотеки вклиниваться между номерами и с завидным отчаянием и весельем «лупить» вещи английского происхождения, то есть по мелодике английские, а по словарному составу — чистую тарабарщину, слов никто не знал и знать не хотел, хотя упрекнуть их в том было по техническим причинам невозможно: слова на тамошней аппаратуре не прослушивались. Народ, оторванный от дискотеки, относился к жутким ритмам с непониманием, потому что танцевать становилось очень сложно. И просто слушать было сложно, так что от музыки кайф ловили преимущественно музыканты, публике удовольствия не доставалось.

Впрочем, самих музыкантов это не очень расстраивало. Оригинальность рок-н-ролльной жизни тех времен заключалась в частности и в том, что жизнь эта была практически независима от чего бы то ни было, в том числе и от публики. Для превращения в настоящего рокера достаточно было время от времени таскать по институтским коридорам какие-нибудь колонки, время от времени блуждать по тем же коридорам с загадочным видом, а в оставшееся время пить портвейн и разговаривать о музыке.

Ребята были студентами, портвейна вокруг — пруд пруди, разговоров и компаний — выше крыши. Там, в компаниях, и проглядывало время от времени одно довольно странное свойство Бутусова: он был прирожденным лидером, но как бы помимо воли. Приходил потихоньку, садился в уголок, сидел себе тихо, не стараясь привлечь общее внимание, но внимание само собой постепенно переключалось именно на него. «Особенно, когда он играл и на ходу придумывал гармонию, а пел английскую тарабарщину, — вспоминает Саша Зарубин. — И что-то из него шло, заставляло его слушать, какой-то кайф ловить… Так было, когда я еще только-только с ним познакомился, даже вместе еще не играли. В этих случаях Слава на удивление не визжал, пел хриплым, низким голосом; наверное, это ближе к тому, как он

сейчас звучит. А манера, в которой он пел в общаге на танцах, была совсем другой, визжащей и кричащей.»

Так или иначе, в 82-м появилась первая запись, сработали ее втроем плюс Андрей Макаров, студент курсом помладше и звукооператор. Получился альбом, причем, без названия. Это очень интересная черта: обыкновенно начинающие рокеры в первую очередь придумывали название и группе, и десятку будущих альбомов, и только потом учились играть на гитарах. А «Группа из Промобщаги» существовала, записалась, и все без названия.

Альбом был готов, оставалось заставить хоть кого-то из рокеров его послушать, что было не так и просто. Разнообразие свердловской рок-н-ролльной жизни сводилось в те времена к постному выбору между «Треком» и «Урфин Джюсом», относившимися друг к другу, мягко говоря, прохладно. Первый являл собою объединение герметичное, напоминавшее религиозную секту с уклоном в философию и морализаторство… Оставался «УД», во главе которого стоял вездесущий и всеобъемлющий Сан Саныч Пантыкин, маленький, джинсовый, перманентный — в смысле волос, а не пространственно-временных характеристик — и страшно знаменитый, о чем сам не то, чтобы догадывался, а просто знал. И невзирая на прошлые встречи, добраться до него было сложно.

Вторая стычка с «Урфин Джюсом» чуть не закончилась для Славы печально: на концерте в одном из техникумов присутствовали земляки Белкина и Земы, жители города Верхняя Пышма, эдакого свердловского Ливерпуля, люди простые, а Славе взбрело в голову жечь спички, что пышминцам по пьяному делу не понравилось. И некто Мишель Злоцкий, впоследствии, разумеется, тоже рокер, обратился к Бутусову на предмет прекращения пожароопасного занятия. Слава отвечал, что ведь «по кайфу».

— Я тебе дам, по кайфу!.. — и Славе чуть-чуть за жженые спички не нагорело… Разбор тогда быстрый был, рок-н-ролльный…

До Пантыкина Бутусов все-таки добрался, и тут выяснилось, что оба любят «Лед Цеппелин», это было в те времена волшебное слово. Кроме того, выяснилось, что Слава с сотоварищами как раз закончили запись. Вскоре Дима со Славой и портвейном явились к Пантыкину в гости. При них была магнитофонная катушка, раскрашенная в лучших мальчишеских традициях «под фирму»: чего на ней только не было нарисовано, наклеено, а на вкладке значилось: «Али-баба и сорок разбойников». Было ли это группы название, либо название альбома, Пантыкин так и не понял.

Однако, участие в судьбе будущих «Наутилусов» принял самое горячее. В первую очередь тем, что понес пленку по городу.

Отзывы были разные. «Играли плохо, запись была вообще никудышная, но там был Бутусов, орал страшно, верещал, вообще что-то там было такое… крутое совершенно,» — вспоминает один из несложившихся поэтов «Нау», Дима Азин. Вот еще: «А Сан Саныч Пантыкин говорит: „Вот молодые какие-то пацаны,“ — и приволок эту запись. Я послушал, и что-то меня так качнуло, что парень вопит из последних сил… Ну, действительно, там такие вокальные штуки были… В общем, они явные были рокеры, хоть и в кепочках. Они выглядели очень прилично,» — вспоминает Егор Белкин, тогда гитарист «Урфин Джюса». В любом случае, их услышали. И сразу посоветовали сменить барабанщика. Далее произошло событие незаметное, но важность его недооценить трудно: первый разгон в будущем «Нау».

На том же курсе учился высокий, строгий юноша Саша Зарубин, постепенно выяснилось, что он играл на барабанах и в школе, и в армии. К нему-то и подошел однажды Слава, позвал «попробовать». Зарубин согласился, вместе отправились в студенческий клуб, едва взялись за инструменты, как вошел Гончаров. Сел, молча посидел, послушал, подождал, когда кто-нибудь что-нибудь ему объяснит, и ушел. Кстати, никто ему так впоследствии ничего и не объяснил.

Примерно тогда же, осенью 82-го, пригласили в группу и Андрея Саднова, гитариста. И вскоре началась в клубе Арха методичная работа над новой программой, которую планировалось записать летом. Группа оформилась, хотя сразу было понятно, что группа эта — студенческая, институтская. Разве что Слава с Димой вели себя для просто любителей несколько странно: друг без друга их увидеть уже было почти невозможно, по вечерам, когда Зарубин с Садновым уходили домой, парочка лидеров оставалась, и если бы институт не запирался на ночь, сидела бы парочка до утра…

Более, того, к тому времени окончательно оформилось разделение функций. Вот что вспоминает Саша Зарубин: «Слава был тогда странный, какие-то биотоки от него шли, и было не важно, что он поет, он чисто физически ловил свой музыкальный кайф, чего, конечно, про Диму сказать нельзя. Дима, он был большой энтузиаст в плане организационном, если нужно было о чем-то договориться, договаривался он, все вопросы решал. Слава в этом плане был человек не то, чтобы пассивный, это было „не его“ по натуре. Но Диму он не использовал, просто ловил кайф оттого, что на гитаре играет, поет, сочиняет свои песни. Об остальном он просто не задумывался. В этом был кайф и для

Умецкого, он все равно понимал, что как музыкант он слаб. У Димы в большей степени крыша ехала в том плане, что „мы будем крутые“ и тому подобное. Хотя, если он это и говорил, то в виде шутки.»

3. Пантыкин и «Переезд»

А пока была зима, и обсуждался Пантыкиным и Колей Граховым, энтузиастом рок-н-ролла и будущим президентом Свердловского рок-клуба, вопрос, кому ехать на рок-семинар. Пусть не сразу, но вспомнил Сан Саныч про Славу: «Есть в Архитектурном коллектив, тоже „Лед Цеппелин“ играет…» Название «Лед Цеппелин» было паролем. Коля сказал: «Берем!»

Что такое рок-семинар в 83 году? Это очень большая пьянка. Отчего-то именно на это время, когда повсеместно рокеров поприжали, в Свердловске комсомольцы возьми да и организуй попойку за государственный счет. Очевидно, хотели выпить… Рокеры тоже выпить любили, так что начался семинар дракой, условно говоря, между «Треком» и «Урфин Джюсом» в лице барабанщиков обеих команд Володи Назимова («УД») и Жени Димова («Трек»). Надраться и подраться они успели еще по дороге, в автобусе, а на турбазе, где поджидала основная рок-н-ролльная масса, ударников уже выносили из автобуса на руках. Дальнейшее семинарствование проходило в портвейновом угаре, вечером играли невообразимый сейшн, кто и с кем до сцены дошел, тот с тем и играл. Утром играли уже в футбол, потом пили на лекциях, до которых, впрочем, Слава с Димой не дошли: хитроумные архитекторы стояли с бутылкой портвейна у входа в лекционный зал и щедро из этой бутылки всех одаривали. Последним семинарским утром, когда голова была на всех одна и болела нещадно, а денег тоже на всех чохом не наблюдалось, Александр Васильевич Новиков, совершенно тогда непьющий(!), молча куда-то уехал и вернулся с ящиком пива. Так был спасен свердловский рок…

Собственно говоря, на семинаре ничего особенного не произошло, поскольку до такой степени пьяные люди ничего особенного совершить не могут. Единственным подлинным событием стало знакомство с будущим «Наутилусом». Стоит ли говорить, что молоденькие и неожиданно для рокеров прилично одетые архитекторы всем моментально и окончательно понравились?..

Впрочем, еще по дороге на турбазу случился — кроме драки — один весьма примечательный разговор: «Мы ехали со Славой, разговаривали, — вспоминает А. Коротич, — он сказал, что у него проблемы с текстовиком, и что он хочет обратиться к Кормильцеву. Я его начал отговаривать, на что Слава промолчал…»

Тут же по возвращении они и договорились с Пантыкиным о

совместной записи альбома. Мэтр согласился, он никогда не мог отказать себе в удовольствии стать кому-нибудь родным папой. А формальным поводом для сотрудничества стала песня под названием «Ястребиная свадьба», которую Слава просто не знал, как делать. Тогда наусы впервые встретились с Шурой Полковником, который годами позже стал бессменным их звукорежиссером, встретились и с его прославленным магнитофоном типа «Тембр», у которого в каких-то мистико-аккустических целях сбоку висели натуральные консервные банки. Шура утверждал, что банки отводят какие-то помехи, по всеобщей электрической безграмотности ему приходилось верить. Естественно, до магнитофона с банками Макарова не допустили. Андрюха обиделся. Тогда — в первый раз.

Работали в июне, Зарубина от института послали сено косить, пришлось ему сбежать. Как только доделали инструментальные подкладки, Полковник, человек вообще безаппеляционный, заявил: «Всем выйти, Слава смущается!» — и выгнал музыкантов, те опомниться не успели. Слава стал петь… Вспоминает Пантыкин: «Во время работы люди приходили, говорили самое разное: что это бесперспективно, что Славка петь не умеет, что все это нудно, заунывно… А многие утверждали и обратное, что это „класс“, необычно, но, правда, петь чувак все равно не умеет…»

Тогда же появилось название «Наутилус». Предложил его Андрей Макаров, который до того предложил и неприжившегося «Али-бабу». Большого впечатления название ни на кого не произвело, так что довольно долго им и пользовался только Макаров. И понемногу, коль скоро другого не было, «Наутилус» прижился сам собою.

«Переезд» вышел чрезвычайно по манере разнообразным и неопределенным, но вышел. И мало кто его услышал: «Даже в институте „Наутилус“ никто толком не знал. Андрюша Макаров жил в общаге и какой-то „промоушн“ пытался устроить, хотя на танцах это было сложно крутить, под такие вещи не потанцуешь… Но он все равно ставил. И все равно общая масса нас не знала. Да, собственно, успехов-то практически никаких и не было.» (Из интервью А.Зарубина.)

4. Агитки, крестьяне и первокурсники

Успехов особых не было, но к осени потребовалась институту агитка, дабы сеять культуру среди студенческих и крестьянских масс, а кандидатов, кроме «Нау», не наблюдалось. Их поставили в известность, что нужно готовить программу, и тут же стало понятно, что под славины вещи заставить танцевать невозможно даже студентов на картошке. За несколько дней насобирали песенок типа «Опять от меня сбежала последняя электричка», аранжировали посмешней, а кроме того взяли в группу нового человека, Витю Комарова, более известного по прозванию «Пифа». Взяли клавишником, поскольку Пантыкин, игравший на модном по тем временам «препарированном пиано» (в молоточки втыкались кнопки, при ударе о струны издававшие «почти синтезаторный» звук, но при этом отчаянно эти самые струны рвавшие), произвел впечатление неизгладимое, успех напичканного кнопками ф-но решили развивать.

Программу сдали кислой комиссии и отбыли в деревенское турне. В сопровождении девочек в черных трико, которые в первом отделении танцевали, и пары чтецов-шутников объехали по точкам несколько районов, программа с «электричками» скоро обкаталась, работали в деревенских клубах «для местных», на площадках для утомленных картошкой студентов.

«Для Славы, для Димы это были, скорее всего, первые выступления со сцены, кайф они ловили страшный, а залы в клубах всегда были полные, там не каждый день такое бывает… Залы были маленькие, даже нашей аппаратуры хватало, народ приходил процентов на пятьдесят пьяный, свистел, орал, а после концерта нас всегда ждала брага… Хотя пили не слишком много, деньги нас сдерживали. В общем, все были счастливы.» (Из интервью А.Зарубина.)

Впрочем, деньги — не помеха, и самым дельным человеком в агитке оказался шофер Серега, всегда возивший сено, а тут вдруг — музыкантов, чем Серега очень гордился. ГАИ на поселковых дорогах не наблюдалось, так что пил Серега с группой наравне и очень всех полюбил. Зарубин вспоминает: «Однажды он с какой-то девицей договаривался насчет бесплатной браги, а она хотела деньги стрясти, так он ей говорит: „Ты что, с ума сошла? Приехали рокеры, ездят, нас веселят, а тебе три литра браги жалко…“ Она смутилась, извинилась и принесла брагу.»

Тут же приведем еще одно замечание Саши Зарубина, тоже не лишенное забавности: «А что касается женского пола, настолько Слава с Димой были внутри музыки, что о женщинах даже

разговор не заходил. После агитки две девицы, которые в трико на сцене танцевали, подошли ко мне и говорят: надо как-нибудь собраться… Я Славе сообщил, что девочки предлагают вместе посидеть, Слава сказал: „Да ты что, посылай их сразу!..“»

По приезде из агитки выяснилось, что кому-то нужно играть теперь уже на вечере первокурсника, кандидатов, разумеется, не было, и у «Наутилуса» один из организаторов поинтересовался, нет ли в репертуаре чего-нибудь поинтересней «электричек». И ребята предложили свою программу. Репетировали наскоро, в клубной комнате, без вокала. Слава вообще не любил петь на репетициях, так что играли один инструментал. В первом отделении концерта выступала самодеятельность, у «Нау» уже была некоторая известность, заработанная на колхозных полях; в зале покрикивали: «Наутилус! Наутилус!» Ребята в это время судорожно отрабатывали «на коленках» недорепетированное заранее.

Перед вторым отделением натянули на сцене и в зале какие-то сети, подукрасились и… скисли на первой же песне. Это был первый концерт студенческой группы «Наутилус» — он же оказался и последним: программа недоработанная, сырая, разученная без вокала, опыта никакого, и полный зал ДК Автомобилистов, первый большой зал в их жизни. Доигрывали «на автомате», публика прокисала на глазах. Слава повернулся к залу боком, носом в кулису, дотягивал кое-как, в «Ястребиной свадьбе» просто перестал петь. Впоследствии это станет его коронным трюком, и музыканты вновь и вновь, как и в тот, первый раз, будут играть «на месте» в ожидании слов, покуда не надоест.

Умецкий еще пытался переломить ситуацию, в конце закричал: «А теперь Лядовы Цепеляны!» — шутка — врезали Цепов. Их в агитке более-менее обкатали, прошло чуть веселей… С концерта уходили в настроении кошмарном. И были поражены, когда на следующий день в институте к ним подходили совсем незнакомые студенты и благодарили за новые песни…

5. Конец «Наутилуса»

В некотором смысле, история студенческой группы «Наутилус» тем и кончилась: дело шло к дипломам, к выпускным экзаменам, выяснялось понемногу, что не все собираются дудеть в дуду, у некоторых касательно будущего были собственные соображения. Отчего будущее становилось неопределенным; группа кончалась, если не считать одного занимательного случая: их пригласили на ТВ. Даже не пригласили, а притащили «Урфин Джюсы», которых, в свою очередь, и правда пригласили в новогоднюю развлекательную программу, составленную из номеров студенческой самодеятельности. Так появился на свет Божий первый клип грядущего «Наутилуса» и — что действительно интересно — состоялось первое деловое общение Славы Бутусова и Ильи Кормильцева. Забавно, но имел место самый настоящий «социальный заказ»: «Урфин Джюс» должен был сочинить песню веселую, ей оказалась великолепная, старая белкинская шутка с оригинальным названием «Новый год». «Нау» была заказана песня грустная, наскоро, впопыхах выдали на гора шедевр под названием «Пыль снежная» со стихами Кормильцева:

«Пыль снежная летит в глаза и тает на лице,
Мерцая, словно бриллиант в серебряном кольце…»

Очень романтичная была песня, очень романтичный стоял Слава в ореоле кружащихся рождественских свечек, а руки того же Пантыкина профессионально скакали по клавишам рояля. Впрочем, говорят, что на самом деле руки были Пифины, то есть Комарова. А сам рояль не звучал, потому что микрофона не хватило. Передача вызвала какой-то гнев каких-то властей, вышла днем, никем почти не замеченная, и тут же, согласно директиве свыше, была стерта. Копия, впрочем, по случайности сохранилась.

Невзирая на скандал и рискуя получить еще один, режиссер опять пригласил «Наутилус», записали звук, но на съемки видеоряда Слава неожиданно поехать не смог. Встала проблема: кому за солиста рот открывать? Отказались все и сразу, пришлось «Славой поработать» Саднову, режиссер обиделся, передача вышла без «Нау».

И… долгая, глухая пауза… Дипломы, военные лагеря, все кончалось само собой. Больше всех такое положение дел не нравилось Умецкому. Уже в лагерях он постоянно заводил разговор на тему: «Пора дело делать». Внешне все упиралось в

студенческий статус «Нау»: без институтского клуба они лишались аппаратуры, базы, всего. Проблем внутренних было больше. Дима дергался, Слава отмалчивался. Пытались заставить Зарубина купить барабаны, которые, разумеется, своей стоимостью превосходили все возможности вчерашних студентов, что Зарубина ставило в тупик. Дима выдвинул смелую идею: а не поехать ли Саше в стройотряд, не заработать ли деньги, не продать ли все, что дома есть, тогда на барабаны как раз хватит. Зарубин отвечал, что самому Диме роскошную бас-гитару подарила бабушка из Германии, так не подарить ли бабушке заодно и барабаны?..

Одним словом, в июне месяце все уже работали, Саднов выходил на диплом и был страшно занят, со студенчеством было покончено. Казалось, со студенческими мечтами тоже…

Часть 2. Невидимка

1. Некоторые сведения относительно невидимки

«Если архитектура — это застывшая музыка, то советская архитектура — это застывшая советская музыка.»

В. Бутусов.

Как ни странно, в реальном появлении группы «Nautilus Pompilius» виновата социалистическая организация труда: после веселого Арха ребятам предстояли большие испытания в виде проектных институтов, Славе предназначен был «Уралгипротранс», Диме — «Уралтеплоэнергопроект». В последнем заведении Умецкий целый год рисовал на планшетах декоративную плитку, планшеты напоминали ему стены общественного туалета. Бутусов тоже работал… с отвращением. И никакой богемы, привычной по вольному Арху, никакого веселья, все больше тупая производственная пьянка…

Остальные члены «Наутилуса» разъехались кто куда, а плюс еще семьи, забота о завтрашнем дне, легкая неустроенность, неуклонное повышение производительности труда и прочая, прочая, прочая… В конце 84-го Славу с Димой от происходившего тошнило и нешуточно.

А тут еще съездили Слава с Димой в Питер. У свердловских рокеров в те времена была странная система поощрений: подающих надежды отправляли в Питер, на рок-концерты; заранее созванивались с организаторами, чтобы билеты начинающим рок-н-ролльщикам обеспечить, «на шару» туда пробиться было совершенно невозможно. Обратно оба приехали просто окрыленные, с горящими глазами. Очень может быть, поездка эта сыграла в их судьбе роль едва ли не решающую.

На дворе стоял 85-й, в воздухе пахло гарью: полуживой Черненко на троне, гонения от легких до средних, переходящие в нешуточные, общая рок-н-ролльная унылость и бесконечные переговоры с комсомольско-культурным начальством… Как ни странно, именно в этот момент из города Верхняя Пышма возник странный человек Толя Королев, он-то и сбил с пути истинного пару начинающих архитекторов.

Королев был циник, то есть человек честный, он хотел делать деньги и делать их на музыке, работал на опытном заводе то ли мастером сменным, то ли что-то подобное, а по вечерам

занимался дискотеками — тогда это дело было в расцвете. На ниве музыкального бизнеса Толик успел потрудиться, среди рокеров имел твердую репутацию проходимца, так что выбора у него особенного не было, зато были напор и деловая хватка. Тут и подвернулся ему приунывший «Наутилус» в количестве двух человек. Толик взялся за дело: купил Славе первую настоящую гитару, купил остродефицитный микрофон типа «Шур» и в довершение всего подбросил идею записаться вдвоем.

А к тому же один из свердловских рок-авторитетов (пока умолчим авторство) встретил однажды Славу с Димой и заявил: «Ничего из вас не выйдет. И ничего вы никогда не запишете!» Приговор начинающих архитекторов добил и разозлил одновременно. В середине января 1985-го Слава с Димой решились окончательно, договорились с урфиновскими звукарями, с Ильей Кормильцевым, тогда владельцем единственной в Свердловске портативной студии, а в первых числах февраля неожиданно возникли в гостях у Вити Комарова, клавишника студенческих времен, тоже изрядно к тому времени подуставшему от работы в конторе под названием «Главснаб».

Витя Комаров, больше известный по прозванию «Пифа», отличался демонстративно — по тем временам и представлениям — не рок-н-ролльной внешностью, отчаянным весельем и наличием машины марки «Жигули» по прозванию «Голубой Мул». Бог весть почему, но Пифы Дима со Славой поначалу стеснялись и объясняли всем его появление в группе именно наличием машины, которая весьма во время записи может пригодиться. Но когда оказалось, что Пифа отличается кроме машины еще и удивительным музыкальным чутьем, стесняться перестали.

В середине февраля они уже сидели на квартире бывшего однокурсника Димы Воробьева и записывали «Невидимку». Дело происходило весело, безвылазно, а когда на записи один из звукарей поинтересовался, нет ли чего поесть, радостный Умецкий извлек из-под стола ящик портвейна. Альбом писался бодро, полупьяно, с азартом, постоянно приходили и уходили какие-то друзья, некоторые оставались, некоторые — до утра… Слава записывал вокальные партии, зарывшись с головой и микрофоном под одеяло, потом выскакивал оттуда на свет Божий, красный от духоты, весь в поту. И всем было ясно, что альбом просто не может не получиться.

Точку поставили 8-го марта. Вечером наусовская троица тайком сорвалась с записи, унося драгоценную пленку, и в общежитии Архитектурного института состоялась неофициальная премьера. Дискотеками там заведовал Андрей Макаров, к нему и обратились: «Андрюха, это надо поставить на дискотеке…»

И Андрюха поставил «Гуд бай, Америку»… Ребята страшно волновались, и… ничего. Никто не понял, не поздравил, первые рецензии были выдержаны в духе: «Ну, Наутилус и Наутилус…»

9 марта состоялась вторая премьера, теперь уже официальная, с рокерами и портвейном. Там же, в квартире Димы Воробева. И тут наусы отквитались за вчерашний холодок: маститые рокеры просто растерялись. И как-то неуверенно, постепенно набирая обороты, принялись хвалить «Наутилус», о котором еще вчера вспоминать не хотели! Один только авторитет, недавно пророчивший им полное забвение, сидел молча и угрюмо, к вечеру случился у него внутренний кризис на тему «мир ушел вперед, а я стою у дерева»… Такова печальная история о том, как Пантыкин побывал в роли пророка и что из этого вышло.

2. Как встретились Наутилус с Помпилиусом, Бутусов с Кормильцевым, а все остальные — с Аленом Делоном

В те же дни встала еще одна проблема: название. То, что группа вырвется за пределы Свердловска, стало ясно всем, но в те времена «Наутилусов» в стране насчитывалось от трех до девяти, не считая бесчисленную самодеятельность, тоже знакомую с Жюлем Верном, так что в массе «Наутилусов» вполне можно было потеряться. Выручил полиглот Кормильцев: он единственный не только читал французского фантаста, но еще и знал, откуда взялось название подводной лодки капитана Немо. Кормильцев и рассказал о моллюске, размножающемся весьма своеобразно: он отрезает от себя членики, наполненные оплодотворяющей жидкостью, а те самостоятельно отправляются на поиски адресата… Факт, к тому же зафиксированный в последней песне альбома: «Я отрезаю от себя части…» — показался символичным, «Наутилус» стал «Помпилиусом».

Так само собой и получилось, что за каких-то несколько дней «Нау» из полуобреченной некогда студенческой команды превратился в рок-группу, к тому же с оригинальным полулатинским названием и очевидной потенцией стать лучшей командой города. Тяжеловесные «Трек» с «Урфин Джюсом» с трудом доживали последние свои деньки, именно на «Наутилус» ложился груз ответственности за будущее свердловского рока; это понимали все, понимали ветераны, коим такое положение не слишком-то нравилось, понимали и Дима со Славой, от того и нервничали.

Начиналась полоса долгих, нервных метаний, продолжавшаяся почти год. Для начала нужно было определиться со стихами. Вообще-то, тексты Слава сам писал, но сам же отдавал себе отчет в том, что с текстами у него не очень-то получалось. Как ни крути, в «Невидимке» рядом с блистательной «Гуд бай, Америка!» («Последнее письмо», слова Д. Умецкого) помещалась история о том, как «…леопард гоняет стадо, а те в изнеможении орут…», разгадать таинственный смысл которой мало кому удавалось даже после подробных славиных комментариев. Когда-то пробовал он поработать с Димой Азиным, приятелем Пантыкина, поэтом — не получилось. А мысль о том, чтобы пригласить в группу Илью Кормильцева, возникала в разговорах давно, еще в восемьдесят третьем. Но Слава все не решался, по тем временам Кормильцев был

величиной изрядной и фигурой более чем противоречивой.

Дело заключалось даже не в том, что Кормильцев был «штатным» поэтом «Урфин Джюса», в каковой роли автоматически попадал в категорию «махров», а в чрезвычайной оригинальности самой персоны Ильи Валерьевича, которая одновременно людей к нему притягивала и их же от него отпугивала. Химик по образованию, полиглот по призванию, знаток совершенно невероятного по нормальным понятиям количества языков — штук около пятнадцати — и обладатель самых странных познаний из самых странных областей человеческого опыта, поэт и, в некотором роде, философ, Илья Кормильцев отличался странностью внешнего вида, невоздержанностью поведения (в обществе, разумеется), и… чем он только ни отличался… Хотя Славе был он, естественно, интересен главным образом в контексте поэтических своих способностей, но именно в этой области репутация Кормильцева была в тот момент на грани самоуничтожения.

Илья писал стихи для «Урфин Джюса», и мало где его ругали с таким усердием, как в «Урфин Джюсе». Почему — вопрос другой, однако стараниями джюсовцев среди свердловских рокеров к 85 году утвердилось мнение, что Кормильцев — поэт «нулевой», работать с ним — только время терять. И тут ко всеобщему изумлению возник Слава. Помните, как по дороге на рок-семинар старый друг и автор многих обложек и «УД», и «Нау» Саша Коротич от сотрудничества с Кормильцевым «стал Славу отговаривать»?.. Его и после отговаривали многие и весьма усердно; но отговаривать Бутусова, который что-то решил, дело безнадежное. И слава Богу, иначе не довелось бы нам услышать ни про Делона, ни про «скованных», ни про «хочу быть с тобой».

Впрочем, прецедент сотворчества с Кормильцевым уже был, когда во время телевизионных съемок давней новогодней программы Кормильцев наскоро изобразил на славину музыку нечто постсоветское: «Я мерз, но грел собою снег, а значит, жил. И так в сражении холода с теплом я победил!» Второй совместной работой стала «Кто я?» из «Невидимки», третьей — песня про девочку и фотографию известного французского киноактера… Тут вышел казус, едва сотрудничество не расстроивший: Илья писал смешные, даже издевательские стишки о пролетарской дурочке, Слава воплотил их в сочинении почти трагическом, чем поэта привел в чувство воодушевленного недоумения.

«Премьера песни» случилась во время очередной дружеской попойки в коммунальной комнате Вити «Пифы» Комарова, в которой кроме хозяина жил в те времена Федор, манекен; его некогда в воспитательных целях использовал на своих концертах

«Урфин Джюс». Без руки, без ноги, потрепанный и побитый, Федор производил впечатление труповидное и использовался в качестве ночного сторожа витиной машины, сидел в ней, пока хозяин спал, воров отпугивал. И неплохо со своей ролью справлялся.

Итак, происходила попойка, и Слава неожиданно сообщил, что решил подарить Илье на день рождения песню. Тогда и выяснилось впервые под музыку, что «Ален Делон не пьет одеколон». Илья после этого жутко взбодрился, выскочил на балкон, схватил Федора в охапку и сбросил его с третьего этажа. А стоял непоздний вечер, народ на улице прогуливался и происходящим выкидыванием совершенно натурального почти человека был, мягко говоря, ошарашен… Наусы с хохотом и криками выскочили на улицу, подхватили бедного Федора под руки, под ноги и с причитаниями типа «Осторожно, ногами за дверь не зацепись!» — утащили его в подъезд. Говорят, соседи потом на Пифу донос состряпали, а может и не было такого, однако первый опыт сотрудничества имел продолжение.

Фокус был в том, что Илья написал «легкий» текстик про глупенькую девочку из многоэтажных кварталов, единственным утешением для которой посреди фантасмагории пролетарского бытия стала фотография на стене.

Ален Делон, Ален Делон
Не пьет тройной одеколон…

Именно «Тройной». И все-таки насторожился, услышав тяжелую, полную мрака и безысходности песню на свои, по замыслу издевательские стишки. Но в отличие от «урфиновского» прошлого, в котором отличался чрезвычайной скандальностью, спорить не стал, стерпел даже исчезновение целого слова «тройной», которое Слава петь отказался наотрез.

На самом деле оба соавтора не слишком-то понимали, как к этому эксперименту относиться. Дело решил Шевчук, непонятно каким ветром занесенный в Свердловск, в то время свободный и умный, читавший философские труды Толстого Л.Н. и что-то постоянно проповедовавший, причем с употреблением таких ученых слов, что свердловским рокерам они и не снились. Разве что Кормильцеву, да и то в дурном сне… Слушали его напряженно, но поступали с точностью до наоборот. В тот приезд Юрий Юлианович почему-то отчаянно агитировал Бутусова ни в коем случае не связываться с Кормильцевым. Однажды вечером, когда по-обыкновению пили у Белкина горячительные напитки и с упоением спорили, Шевчук пошел в атаку и заявил, что «по-

настоящему» у Бутусова песни получаются только на свои тексты.

— Например?.. — осторожно спросил Слава.

— «Ален Делон», например! — отрубил Юрка.

С тех пор Бутусов с Кормильцевым стали гораздо друг к другу ближе. Но оба всегда и со вниманием прислушиваются к словам Шевчука.

Завершилась эта история значительно позже, в 88-ом, на сочинской набережной, где после гастрольного концерта прогуливались в полумраке по обыкновению споривше Бутусов и Белкин. Егор, следует заметить, относился к «Делону» давно и плохо, а с некоторых пор вел совершенно разнузданную антиделоновскую агитацию, сводившуюся к требованию «подзаборных песен не исполнять». Слава все не соглашался, и надо же такому случиться, чтобы в районе гостиницы «Ленинград» из кустов донесся нестройный, невпопадный юношеский хор, в добрых дворовых традициях поминавший под расстроенную гитару известного французского киноактера.

— Слышал? — возопил ликующий Белкин.

Слава промолчал. Но больше про Алена Делона уже никто и ничего из его уст не слыхал. А жаль.

3. Ветер перемен и ветер обратно

Однако, вернемся к исторической реальности: альбом все-таки записали, и «Наутилус Помпилиус» явился в свет собранно, мелодично, пусть даже слегка выпивши. Важнее всего в тот момент для ребят было перейти из разряда рок-н-ролльных друзей в разряд собственно рок-н-рольщиков.

К тому времени достаточно уже знаменитый «Свердловский рок» в реальности представлял собой замкнутую группу человек из десяти, между собою задолго и накрепко переругавшихся. С одной стороны, друг друга они терпеть не могли, с другой — новичков в свой гадюшник старались не допускать. Что ни говори, а дело не только в амбициях: время стояло позднесоциалистическое, полувоенное, чувство опасности распространялось на всех, даже на близких друзей. В мае 85-го уже вяло дул «апрельский ветер перемен», а в Уфе газетные статьи приговаривали Юру Шевчука чуть ли не к расстрелу…

Рокеры могли с тобой дружить, пить, разговоры разговаривать, но всегда существовала некая корпоративная грань, переступить которую не удавалось почти никому. И над наусами, которых все знали еще со времен рок-семинаров, зависла некая неопределенность: «Невидимкой» махры готовы были даже восхищаться, а авторов все еще пытались при встрече милостиво по головке погладить. Но был все же ход: старые супергруппы дружно приказали долго жить и о себе вспоминать, начиналась «эпоха сольников». А потому махры готовы были с наусами посотрудничать, но на вторых — для «Нау» — ролях. И Слава с Димой, которым юношеской гордыни в те времена тоже было не занимать, мудро стерпели. Они пошли в «наймиты».

Уже в мае 85-го они в качестве сессионных музыкантов работают в проекте Жени Димова, бывшего руководителя и барабанщика группы «Трек», записывают с ним ультраметаллический альбом под названием «Мост». Чуть позже, в июне — июле, тоже в качестве сессионников работают над записью альбома Егора Белкина «Около радио». Там же, во время перерыва, всем «Наутилусом» записывают с Настей славину песню «Клипсо-калипсо», записывают просто так, чтобы Насте помочь. В августе помогают Пантыкину записать музыку к спектаклю Свердловского ТЮЗа «Три пишем, два в уме». Это, кстати, одна из самых смешных их записей, пели песни Андрея Макаревича «в оригинальной упаковке», веселились до упаду.

Но и в рамках «Нау» двигались вперед: чуть не каждый день — репетиции, 1 июня состоялись первые гастроли в Челябинске,

там играли в каком-то заводоуправлении с Настей в качестве вокалистки, но без Шевчука, который обещал приехать и не смог.

В результате к осени неожиданно для махров оказалось, что «Нау» — «в доску свои». Результат, кстати, замечательный: тому же «ЧайФу» потребовалось еще почти полтора года на то, чтобы «войти в топ». Уже в середине октября вполне серьезно обсуждается перспектива совместных концертов с «Урфин Джюсом», в тот же день вечером в Обкоме ВЛКСМ разбирались программы трех групп: УД, Нау и Флага. И после длительного разговора — вердикт: все три группы допущены к фестивалю! Сейчас трудно сказать, к какому именно из несостоявшихся фестивалей, но определенно следующее: на внешнем — пусть внутрисвердловском — фронте «Нау» одержали победу. На фронте внутреннем дела шли иначе.

4. Первый концерт и альбом, которого нет

Восемьдесят пятый двигался к концу на всех парах, то есть на нервах. К осени наусы не на шутку дергались: над группой висела странная неопределенность. Все вокруг будто бы оживало, в городе наметились кое-какие подвижки с рок-клубом, в воздухе, если не считать исчезнувшего алкоголя, витало ощущение послаблений; «Наутилус» топтался на месте в судорожных попытках обрести собственное лицо. Которое почему-то не обреталось. Сотрудничество с Настей, общей любимицей, ни к чему определенному не привело и понемногу сходило на нет. Успели, правда, записать по случаю славину песню «Белые волки», Настя пела, подпевала трогательным голоском очаровательная славина дочка, шестилетняя Анечка, дальше не пошло.

26 октября состоялся первый «настоящий» концерт «Наутилуса» в Свердловске, в ДК МЖК. Пифа, Настя, Слава, Дима. Затеял его Володя Шахрин, в те времена депутат райсовета и строитель собственной квартиры в рамках «молодежных движений». Концерт был подпольный, то есть знали о нем все, кто ни попадя; при входе случилась давка, каждый второй проходил, называя фамилию Пантыкина, отчего самого его организаторы впускать отказались. Звук был плохой, свистело, музыканты начали бодро, но скоро скисли. Выступление вышло сырым, непродуманным… Зал орал, хлопал, свистел… Ушли с импровизированной сцены разбитыми, потом долго пили и огорчались.

Шахрину, кстати, данная инициатива чуть не стоила честно заработанной квартиры, поскольку ответные меры не замедлили разразиться, и решено было Шахрину, как виновнику безобразия и вообще человеку, для руководства МЖК неудобному, в выдаче квартиры отказать. Заминали скандал силами будущего рок-клуба, Дима со Славой беспомощно ругались, Коля Грахов ходил в обком то ли партии, то ли комсомола, кое-как утряслось.

В последних числах ноября была предпринята последняя, отчаянная во всех отношениях акция: запись нового альбома. Устроились у Славы дома, однако дело не пошло: вещи были новые, да получались по-старому, по-невидимковски. То есть вторично, хуже. Слава нервничал, Дима то веселился, то ругался. Дошло до того, что в «Нес и не донес» Слава никак не мог придумать гитарную партию, остальные считали, что она совсем не нужна, в конце концов записали без Славы, пока он спал. Проснулся и, разумеется, разозлился. Вылилось все в ссору со

звукооператорами.

Чтобы спасти положение позвали Андрея Макарова, тогда он и стал «своим» звукарем группы; альбом дописали, но после долгих обсуждений решили не выпускать. И только почти годом позже стало ясно, что решение это было мудрым: чтобы придти к «Разлуке», нужно было новое дыхание.

А в стране творились странности, в рок-порядках происходила судорожная, пока невнятная активность: все говорили о переменах, комсомольское и околокультурное начальство вдруг сделалось вежливым: хотя и не стало еще явно заигрывать «со всякой шпаной», однако разрешило некоторые собрания и разговоры о роли рок-музыки в деле воспитания подрастающего поколения. Каждую неделю шли бурные собрания полуразрешенного рок-клуба, на которых наусы выполняли главным образом функцию увеселительную. А то вдруг являлся на собрание чайфовец Володя Бегунов, чем вызывал панику среди новичков: приходил в рабочей одежде, а работал милиционером…

Как-то Бутусов шел на собрание, а у входа в ДК Свердлова стоял «синий коробок». И рявкнуло из динамика: «Гражданин Бутусов, подойдите к машине!» Слава на подгибающихся ногах кое-как до машины доковылял. И только там понял, что внутри сидит тот же Бегунов. По причине душевного потрясения Бутусова пришлось портвейном чуть ли не на месте отпаивать… Так кончался год, весело.

Часть 3. Прорыв

1. Концерт имени Пантыкина

«…и друг друга любить…»

Русская народная песня

Год 86-й начался концертом, посвященным дню рождения Сан Саныча Пантыкина, о чем из участников почти никто не догадывался. Проходило мероприятие 11 января в красном уголке института с мудреным названием «Уралтехэнерго» и во многом для «Наутилуса» стало решающим. По недоброй свердловской традиции концерт был полуподпольным с разрешения инструктора райкома комсомола Андрея Глухих, который и получил потом по полной мере: персональное дело на него завели уже 18-го того же месяца; рокеры долго потом собирали «по кругу» подписи под письмом в ЦК ВЛКСМ; но это другая история.

К вечеру одиннадцатого января около здания «Уралтехэнерго», что на дальней заводской окраине Свердловска, толпились друзья и знакомые, поскольку утаить факт подпольности не удалось, так что многим билетов не досталось. С началом опоздали, как обычно, минут на сорок: на улице было светло, шторы не помогли, в зал, прямо на сцену, било солнце. А рокеры — к солнцу люди непривычные. Над сценой гордо возносилась надпись касательно «электрификации всей страны», здоровенный бюст Ленина с трудом удалось сдвинуть в угол и кое-как закрутить в оконные шторы…

К началу концерта и возник саксофонист Леха Могилевский, тогда проживавший в деревне, где трудился по распределению после окончания музучилища в должности директора клуба. И откуда рвался обратно в город. Приехал он выступать с «Флагом», но что-то не срослось, тут и подскочили наусы, которые в тот день не пили, страшно волновались и впервые, кажется, были исполнены того особого «бодряка» (Умецкий очень любил это словечко), который потом помогал им «брать города».

«„Нау“ пригласили меня на халяву, даже не репетировали… — вспоминает Могилевский. — Меня постригли, одели… А я был настолько зашорен, что говорил: „Да вы что, надо в тельняшке выступать! Такой рок будет!..“ Благодарение Богу, Макаров не допустил меня до тельняшки, а одел в какие-то потрясающие футболки, бананы…»

Касательно «футболок и бананов» замечание не праздное, группа напряженно искала свой образ, пусть не всем это было

понятно: «махры», люди опытные, к «футболкам» относились с осуждением. Искали и стиль музыкальный: Могилевскому как бы просто предложили подудеть, а в результате остался он в группе на годы. «Мы говорим: „Ты же дудишь на саксофоне? Давай, в „Америке“ поддуди. Тут всего три аккорда… И в „Рислинге“ поддуй немножко.“ И нам страшно понравилось. Решили попробовать его на следующую запись, хотя брать в состав тогда не собирались.» (Из интервью В.Комарова)

Концерт для «Наутилуса» прошел отлично, публика в зале доброжелательно веселилась, а ребята отчаянно веселились на сцене и вышли с явным желанием «мочить». Уже вчетвером.

2. Косвенное обоснование необходимости Могилевского, профессионализма и др

Появление Могилевского, которое внешне воспринималось почти как недоразумение, в реальности было логичным и даже необходимым. Здесь нам следует совершить небольшое лирическое отступление на тему хваленого свердловского профессионализма, ради чего процитируем газету «Московский комсомолец» (30.07.87):

«В Москве утвердилось своеобразное отношение к свердловским рокерам: это замечательные музыканты, обладающие настолько весомым багажом профессионализма, что с такой тяжестью за плечами им весьма непросто преодолеть рубеж десятилетий: 70-х и 80-х. Хотя вдумчивый исследователь уже в 83-м мог бы предположить, что группа, которая сумеет, не теряя присущего свердловчанам профессионализма, соотнести свое творчество с актуальными и болезненными проблемами, неминуемо выйдет в конце концов на первые места в советской рок-музыке. Такой группой стал „Наутилус“».

О профессионализме группы и даже музыкальной ее изощренности говорено и писано немало, однако профессионализм «Нау» — явление странное. Хотя бы потому, что Слава Бутусов на гитаре играл плохо. А Диме Умецкому не очень-то удавалась игра на басу… Лидеры группы изначально в профессионалы не годились, в чем сами себе вполне отдавали отчет. Но в Свердловске играть плохо было даже стыдно.

Краеугольным камнем наутилусовского «крепкого» звучания стал Витя «Пифа» Комаров, у него было несколько странное, но по-своему совершенное чутье на крепкую клавишную фактуру. Вторым подспорьем во времена от «Невидимки» до «Разлуки» стал синтезатор типа «Ямаха ПС-55», простенькая машинка, созданная, по японской задумке, для домашнего и детского музицирования. Для каковой цели и был в нем встроен драм-бокс, электрическим путем имитировавший игру глуповатого, но достаточно уверенного барабанщика.

Для «Невидимки» этой пары оказалось достаточно, однако музыка менялась, становилась сложнее, обрастала совершенно новыми по духу текстами и скоро окончательно переросла и аранжировочные, и исполнительские возможности троицы архитекторов. Возникала пустота, с которой и пытались справиться весь 1985 год. Заполнил ее приход Могилевского, композитора, саксофониста, клавишника, вокалиста и

аранжировщика. Леха и определил будущую характерность звучания и аранжировок «Нау» времен его «золотого века». Не говоря уж о том, что был он выпускником не архитектурного института, а музыкального училища им. Чайковского, заведения во всех смыслах достойного.

Кстати, впоследствии, во время многочисленных кадровых пертурбаций, Слава брал в группу только профессионалов и, желательно, со специальным образованием. Барабанщики Алик Потапкин — экс-«Флаг», музучилище; Володя Назимов — экс-«Урфин», училище; Игорь Джавад-заде — экс-«Арсенал». Клавишник Алексей Палыч Хоменко — этот просто везде переиграл и некоторым музыкантам чуть ли не в отцы годился; гитарист, звукорежиссер, мультиинструменталист, вокалист и композитор Володя Елизаров годился в дяди… И так далее. А потом — и сам Слава научился.

Однако с приходом Могилевского не все было ясно: его в то время постоянно брал в группу Пантыкин, стать «Урфин Джюсом» считалось великой привилегией; понимал это Леха, понимали и Слава с Димой. Но в «Урфине» дела шли к почетной кончине, скандал случался за скандалом, и после каждого Пантыкин с малопонятной стабильностью, хотя и без особых оснований, Могилевского обратно выгонял. А потом опять брал… От урфинджюсовской кадровой суеты Могилевский к июню, то есть к первому фестивалю рок-клуба, совершенно запутался. Наусы ждали. На фестивале взорвалась последняя бомба: «Урфин Джюс» выползал на сцену тяжело, с очевидным намерением провалиться, что успешно и сотворил на глазах многочисленной публики. Дело было не в Лехе, а в метафизике, но и он в тот день постарался, как раз к концерту пьян был до полной невменяемости. Его спешно мыли, прогуливали, материли, после чего выгнали на сцену. Ну Леха и наиграл…

«И меня выгнали из „Урфин Джюса“, я ушел заплаканный совершенно. Славка меня обхватил, сказал: „Не плачь, завтра реабилитируешься.“ А на следующий день — полная победа. И Славка оставил меня при „Наутилусе“». (Из интервью А.Могилевского.)

Забавно, но обстоятельства инцидента еще долго вызывали в Свердловске подозрения, поскольку чьей-то доброжелательной рукой Леха как раз перед концертом уведен был на берег реки Исети, а там уже при участии того же доброжелателя доведен до кондиции. Возникли сомнения, а не задумано ли мероприятие и не осуществлено ли именно Бутусовым, ибо Славу в тот момент никто не видел. Мало кто знает, что деяние это на самом деле совершил Белкин, урфиновский гитарист, просто признаться у

него духу не хватило. Так или иначе, Могилевский стал четвертым из «Нау», и это было хорошо.

Теперь к вопросу «о бананах и маечках». Весь посленевидимковский период в манере одеваться и поведении на сцене Слава с Димой все еще пытались отыграть образ, созданный в студенческие времена «Группой из Промобщаги», то есть всячески кривляться, извиваться, в чем были они со своей худобой и странной пластикой более чем забавны, но, к примеру, с суровым текстом «Князя тишины», написанным венгерским поэтом-символистом Эндре Ади в начале века и непонятно как попавшим к Бутусову, ужимки и прыжки явно не вязались. А с последующим репертуаром кривляться становилось и вовсе странно. Клоунада, каковой они по сути и занимались, все больше противоречила песням, которые еще в материале «Невидимки» уже с натяжкой можно было отнести к «ерническим», а с каждой новой работой «Нау» все дальше уклонялся в сторону, с клоунством несовместимую.

3. Лето, фестиваль и «Разлука»

Последняя отчаянная попытка зацепиться за цирковую тенденцию была предпринята на Первом свердловском рок-фестивале, 20 июня 86 года, попытка масштабная и во многом интересная. Были подключены архитектурные друзья, раскрашена и разукрашена вся сцена, перед началом выступления занавес закрыли, по авансцене бродили люди в странных костюмах, зал волновался. Пронесли плакат «Добро пожаловать!» — и опять унесли… В зале посвистывали, на местах Агап с Шахриным затянули «Светит месяц, светит ясный…» Песню подхватили, попели, публика сама занималась «предконцертной подготовкой.» После некоторых мытарств занавес разъехался, на сцену сквозь растянутую бумагу «вломились» Бубу и Уму, расписанные под коверных, в бодренькой раскраски костюмчиках. За музыкантами выписывали странные «па» Корнет и Терри, два толстячка, старинные архитектурные приятели. И поехало…

Концерты проходят в ДК им. Свердлова, аппаратуру везли со всей области, времени на репетиции и настройку катастрофически не хватало — использовались даже ночные часы. НП выступал в дневном концерте третьего дня.

Во время фестиваля помимо собственной программы Слава и Дима аккомпанировали Насте, играли в составе группы Егора Белкина (где Умецкий был бас-гитаристом, а Бутусов — бэк-вокалистом и … танцором), участвовали в хеви-металлическом «Стэпе».

«Среди остальных участников фестиваля NP выделялся своим единством: они едва ли не вдесетяром вы-лезали, — падывали, — карабкивались из витиного „Жигуленка“. Общество их напоминало яркую движущуюся модель какой-нибудь молекулы, где все сверкало и кружилось: глаза и улыбки, клипсы и пряжки на туфлях, медь саксофона и накладки на гитарах…» (воспоминания Александра Калужского)

Под звуки очередного прощания с Америкой, наусы стали пускать в зал бумажные самолетики, на сцену взбегали рокеры, в финале собрался сборный хор музыкантов рок-клуба, он и пел «Гуд бай, Америка, о-о-о!..» Был почти триумф, было ощущение рок-н — ролльного братства, но все равно ребята уходили с концерта какие-то нервные. Больше в клоунском виде «Нау» на сцене не показывался. Следующий их концерт состоялся пятого сентября того же 86 года, и впервые перед публикой появились малоподвижные фигуры в псевдовоенной, псевдогусарской, псевдоорденоносной униформе.

Впрочем, в некотором смысле Слава так и не изменил образу клоуна, просто из Белого обратился в Черного, если такое возможно… И только много позднее, когда из песен окончательно исчезли всплески черноватого юмора, Бутусов окончательно стал рок-звездой. Или не окончательно?..

Как бы то ни было, выступление на фестивале прошло удачно, наусов хвалили. На следующий день Слава с Димой в последний раз выступили в качестве вокалиста и, соответственно, басиста группы «Степ», которой руководил Женя Димов, экс-«Трек». «Рубились» страшно, Слава восседал на помосте в неимоверных лохмотьях и с микрофоном в руках, пел по бумажке, поскольку тексты не выучил, что в зале воспринято было как оригинальность. Зато пел от души, то есть голос сорвал к середине выступления, дальше хрипел, визжал, задыхался.

Через месяц в клубе Архитектурного института, где Андрей Макаров исполнял функции директора, сели на запись. Трудились весело, портвейно, опять ездили по кабакам к концу пьянки, заимствовали у кабацких музыкантов клавиши, поутру ходили с кругами вокруг глаз. Альбом пошел, материал весь был наигран, недоставало разве что обрамления, которое появилось случайно.

В то лето посиделки чаще всего происходили на квартире Леши Балабанова, начинающего киношника, а Балабанов любил, хотя и не умел, попеть, и пел одну-единственную песню: «Разлука, ты разлука, чужая сторона…» Остальные подтягивали, и после исполнения, эдак, двухсотого обросла русская народная песня такими руладами, что явно просилась в вечность. Тогда Диме и пришла идея: а не записать ли заодно и ее, и в альбоме появилось название вкупе со знаменитым «Эпиграфом». Появилась и еще одна известная песенка.

За два года до того, в 84-м, Илья Кормильцев в пижаме сидел по ночам в подъезде, поскольку дома ему курить не позволялось, и писал на кусочках бумаги тексты… Автор этих заметок тогда, холодной черненковской зимой, прочитал два и с полной уверенностью сказал: «Илья, тебя посадят…» В ответ Илья улыбался, но невесело, он никогда не был героем. Тексты назывались «Скованные одной цепью» и «Метод Станиславского». Впоследствии оба перешли к Бутусову, и летом 86-го один стал песней. Второй потерялся. Автор до сих пор считает, что второй был много лучше, но так всегда потом кажется… Увы, Слава всегда не слишком осторожно обращался с бумажками, а Илья никогда не оставлял черновиков…

Четвертого августа состоялась премьера «Разлуки». Скандал состоялся двумя днями позже, прибежал встрепанный президент

рок-клуба Коля Грахов: «„Скованных“ нельзя!» Опасения, навещавшие «Нау» и раньше, благодаря которым, например, строчка «За красным рассветом коричневый закат» благоразумно окрасилась в розовый цвет, подтверждались. Начались судорожные переговоры, в результате которых решено было альбом распространять без «Скованных».

Помогло недоразумение: одному из свердловских «магнитофонных» людей об этом решении не сообщили, он и продолжал гнать запись целиком, а когда недоразумение вскрылось, было, в общем-то, все равно. В деяниях незадачливого писалы попытались искать состав злоумышленного преступления, но не это важно. Важно другое: как рокеры ни боялись, власти не реагировали. Одному Богу известно, почему все-таки в то, на демократию не слишком жирное время, ни малейших гонений в отношении «Скованных» так и не последовало. Хотя к выступлениям текст еще переписывали, пытались что-то поправить…

Несколькими годами позже один из бывших партийных, человек грузный и умный, случайно наткнулся на запись «Скованных», чутко выслушал до конца, вздохнул и признался с виноватой улыбкой: «Как они тогда смогли? До сих пор жутко становится.» Как знать, быть может, и их прокачало?

«Скованные одной цепью, связанные одной целью…»

4. Премьера песни

«А в августе мы подгадали, у всех отпуск случился одновременно, у меня, у Димы, у Славы, а у Белкина вообще отпуск пожизненный…» (из интервью В.Комарова.) В жизни случались не только концерты, записи и т. д., случались и поездки в Сочи. В качестве лирических отступлений… В Сочах, например, ходили на концерт «Форума», тогда страшно знаменитого, правда пить начинали с утра, до «Форума» Слава не дотянул, Пифа повез его домой, а Белкин с Умецким затусовались с музыкантами, так что их два раза выгоняли со стадиона, на котором концерт проходил. И Пифа, наконец до стадиона добравшись, стал свидетелем следующей картины: «Идет концерт, на трибуне стоит аппарат, музыканты играют, а перед трибуной по гаревой дорожке идут пьяные Белкин с Умецким, и тут навстречу капитан, который их уже два раза выводил и сказал, что, мол, больше, чуваки, на глаза мне не попадайтесь… Страшно обрадовался: „Попались, теперь я вас в ментовку сдам….“ А Белкин, он капитану в бубен как выписал на глазах у всего стадиона… На трибунах: „Браво!“ — фуражки в небо полетели… Они бежать в гримерку, музыканты их спрятали. А капитан просто не ожидал такого поворота. Менты все оцепили, стали искать, так что Диму с Егором музыканты вывезли на полу в автобусе, под аппаратом. Потом мы два дня дома сидели, со страху переодевались… Отдых был полноценный.» Такой вот «рок-н-ролл как норма жизни».

А пятого сентября на «Открытии сезона» в рок-клубе на сцену впервые вышли ребята в милитаристском облачении, застыли у микрофонов и «отдубасили» всем в общем-то знакомую наутилусовскую программу под гробовое молчание зала. Только Слава время от времени зачем-то руки над головой заламывал, а так — полная неподвижность, сдержанность, мрачноватый сарказм… Зал будто изморозью покрылся, никто такого не ждал, слишком привыкли к бесшабашным и веселым наусам. И как-то сразу стало ясно, что группа наконец и окончательно случилась.

В октябре Леха Балабанов снимал подпольно фильм о «Белкине и девочке-целочке» (это не название, а содержание). Было страшно забавно, то сцена с панками, то «бардак» на квартире общей знакомой; круче всех был Умецкий, восседал в ванной, погрузивши ноги в горячую воду, и вел «антигорбачевскую агитацию»: «Если от недопоя ноги попарить минут пятнадцать, сто грамм внутри превращаются в стакан! Только помни: главное — не перепарить!»

После съемок, разумеется, выезжали к тому же Лехе на квартиру, где мероприятие продолжалось до утра. Там-то однажды и предложил Слава спеть новую песню. Друзья согласились. Слава взял гитару и в довольно непривычной для себя манере стал петь:

«Я пытался уйти от любви,
Я брал острую бритву и правил себя…
Я укрылся в подвале, я резал
Кожаные ремни, стянувшие слабую грудь…
Я хочу быть с тобой…»

Пел старательно, с чувством, по окончании установилась в комнате продолжительная пауза, первым слово взял Белкин:

— Ну это полное г…но!

Слава несколько опешил, однако друзья поддержали вышеприведенное мнение, и через полчаса выяснилось, что такой дерьмовой песни Слава в жизни своей не писал… Еще через полчаса Слава надрался до такой степени, что неоднократные попытки усадить его в такси и отправить домой увенчались полным провалом, спал на кухне, под газовой плитой.

Как бы то ни было, Слава мнения друзей уважал, так что в результате «дружеской пирушки с обсуждением» песня чуть было не отправилась «в корзину». Только через полгода, 3 мая 1987 года, «Нау» впервые решились сыграть эту песенку, при этом чувствовали себя как-то неловко, робко интересовались у знакомых: «А тебе понравилось?..» На сей раз почему-то всем и поголовно понравилось. А они почему-то не очень уже всем верили…

Вернемся, однако назад, в 86-й, который катился к финалу, 17 октября приключился последний рок-семинар, скопом выехали на турбазу «Селен», выпили, к ночи переругались все, кроме «ЧайФа», дававшего концерт, и Бутусова, дню рождения которого концерт был посвящен. Шахрин пел, рядом развеселый Славка отключивал нечто лихое и орал все, что ни попадя. Он уже считался баловнем судьбы, ему завидовали…

Существует интересное свидетельство Ильи Кормильцева, человека непостороннего и, прямо скажем, неглупого: «Тогда начинался самый жуткий период в его жизни, пять или шесть лет ужаса. Он не бывал на репетициях, репетиции шли без него. Спал по восемнадцать часов в сутки, мучился, суицидировал и все прочее… С „после „Разлуки““ и до 91-го где-то года. У него были очень обостренные, незащищенные реакции. Слава идеалист большой по отношению к людям, так воспитан. Для него

истинное лицо человека всегда открывалось с большой травмой. И о женщинах он как-то уж совсем хорошо тогда думал. Слава, очевидно, никогда всерьез не мечтал переустроить сей мир, а больше ориентировался на поиски в нем какой-то ниши, необитаемого острова или с друзьями, или с близкими людьми, с любимой женщиной. С которыми всего окружающего просто не будет…»

Уходил в прошлое еще только второй год эпохи «Наутилуса из Помпилиуса»…

Часть 4. С песней по ступенькам

1. Гастроли с барьерами

«Кто я?.. Где я?.. Куда я, куда?..»

И. Кормильцев

Год 87-й начался символично: «Нау» в полном составе загремел в вытрезвитель. Часа на два. Тогда по директиве сверху ресторанам приходилось организовывать противоестественную для подобного рода заведений безалкогольную жизнь, отчего кабак под названием «Малахит» и бросился в пучину молодежной культуры. И большой весельчак Женя Горенбург затащил туда «Нау». После концерта в подвале, в подсобке начался междусобойчик… Тут пьяный в стельку сторож и настучал, что в кабаке происходит пьянка, что звучало глупо, однако приехала милиция, которая только что концерт охраняла, страшно обрадовалась и обвинила всех в «состоянии алкогольного опьянения». Им резонно возразили, что, мол, «вы, менты, сами все пьяные»… Те обиделись и пригрозили экспертизой, с целью производства которой предложили дышать в стакан. «Давайте нам по трубке, — потребовал Женя, врач по образованию, — туда будем дышать… В стакан уже надышали…»

Одновременно раскручивалось гастрольное колесо. «Нау», все еще числившийся в разряде «молодых», выступал в качестве разогревающей команды перед Егором Белкиным, в группе которого играли на басу да на гитаре, пахали по два отделения подряд, обтекая потом после своего выступления, бежали в гримерку переодеваться, перекрашиваться, так что публика во втором отделении их и признать-то не могла. Гастроли были смешные… Начало января — Казань, в столовой «Молодежного центра» наусов чуть-было не поколотили гопники, внешний вид не понравился; спасли два случайных милиционера. В Куйбышеве музыкантов атаковали толпы молоденьких шлюшек, школьниц лет по шестнадцать; еле отбились. Начало февраля — с «ЧайФом» в Перми, середина февраля — Брежнев, шесть концертов за день… Клинило крышу. В Брежневе вечером Илья растолкал Потапкина, сразу по приезде в гостиницу завалившегося спать, и попросил разбудить на самолет. Пробудившись, Алик решил, что Кормильцев являлся к нему во сне, а потому неясно, будить его наяву или нет. О чем Алик даже совещался с товарищами. Коллегиально решили, что присниться может всякое, а Илью разбудишь — горя не оберешься. Возвращался Кормильцев поездом и ругался страшно.

Фестиваль в Ижевске — тогда временно Устинове — проходил 22 марта в ДК с веселым названием «Металлист». К которому вечером стянулось весьма агрессивное воинство, состоявшее из пролетарского вида молодых мужиков, коим не то «металлисты» насолили, не то газет ребята начитались, а в те времена газеты прыщеватых и робких юнцов с побрякушками объявляли почему-то главными врагами пролетарского интернационализма и прочих совковых достояний. Так вот, мужики, которые так себя и называли: «Мужики,» — натурально прибыли бить зловредных металлистов, причем одного отловили и отлупили до бесчувственности. По одноименному ДК потянулся слух, будто бедный металлист скончался; как знать, быть может, так оно и было, мир праху его. А победительные мужики провели короткую и безрезультатную стычку с милицией, которая бороться с ними явно не собиралась, потому что в конце фестиваля сама довольно успешно спровоцировала драку с металлистами и здорово их поколотила, после чего перебазировались к служебному входу ДК, дабы искоренить первоисточник зла, то бишь металлистов-музыкантов. Организаторы заволновались, оповестили музыкантов всех до единого, чтобы после концерта собрались у центрального входа, дабы сто пятьдесят метров до гостиницы преодолеть коллективно и под охраной.

Так оно и вышло, если не считать Бутусова, у которого в те времена — да и после — все выходило наособицу. О предупреждении Слава просто забыл, переоделся, тщательно причесался, и, недоумевая по поводу отсутствия остальных, одиноко тронулся домой через служебный вход. Где и вляпался в толпу враждебных металлу мужиков.

— Металлист? — поинтересовались мужики и приготовились Славу бить.

— Я что, похож на металлиста? — искренне удивился Слава.

Мужики присмотрелись: очень интеллигентный юноша… И отпустили Славу с миром. Испугался он уже в гостинице.

2. Пленум невеселых композиторов

В начале марта по Свердловску прокатилась весть: приглашают в Питер с концертами, да не просто с концертами, а на выездной пленум Союза композиторов, где будут все советские махры от композиции, а играть придется чуть ли не с «Аквариумом». Впечатление новость произвела ошеломляющее, рок-н-ролльная жизнь была напрочь парализована, все с жаром обсуждали, ехать или не ехать. Общественность разломилась на сторонников — кто помоложе, и противников — кто постарше и поопытней. К слову сказать, те, кто постарше к тому времени были в общем-то без работы, но зато с жаром запугивали отчаянных храбрецов, которым как раз было, что показать.

Наусы оказались в эпицентре, поскольку выяснилось, что на собственно пленуме вкупе с Аквариумом выступать предстоит именно им. Сейчас уже трудно понять ту атмосферу, но это на самом деле было страшно. Тем более, что Дима и Слава не очень-то в себя верили, Кормильцев не верил никому вообще, а друзья и приятели не хотели в них верить… Пантыкин, к мнению которого всегда старались прислушиваться, на каждом углу агитировал против, а сущая сумятица в головах началась с приездом Майка: он сообщил, что на сцене ЛДМ выступать нельзя ни с Аквариумом, ни с прочими ленинградскими супергруппами, потому что «они вас сделают»… Атмосферу нагнетали все подряд, включая людей просто посторонних, и все подряд боялись. Правдами — неправдами пытались «отодвинуть» от поездки Шахрина, хотя никто не знал, зачем, собственно, его вместе с «ЧайФом» отодвигать… Бутусова Белкин «уговаривал» чистой водкой, ему почему-то страшно хотелось ехать, хотя сам боялся, быть может, сильнее прочих.

В результате вылетели 3 апреля в Питер, пребывая в состоянии недоумения и нерешительности, в составе «Нау», Белкин и «ЧайФ». По дороге бедокурили, подъехали на Икарусе к святому для каждого советского рокера месту по адресу Рубинштейна 13, где вой произошел беспричинный, но изрядный. В ЛДМ устроились по номерам, и в первый вечер никто — ко всеобщему изумлению — даже не напился.

Утром следующего дня началась форменная паника: потерялся Лешка Могилевский. Должен был прилететь, но задержался по причине похода на какую-то свадьбу, где нарезался и самолет проспал. Тон задали «чайфы», концерт происходил в 12.30 дня, народу набралось от силы ползала, но чайфы вышли на подвиг, и они его совершили. Махры в виде Бутусова, Умецкого и

Белкина напряженно наблюдали из-за кулис, как встает на уши огромный, пусть полупустой, ЛДМовский зал. Махрам становилось все тревожней.

Могилевский, играть которому предстояло и с «Нау», и с Белкиным, приехал только в час дня, в 20.20 начался концерт. «Нау», Белкин, «Присутствие». Еще перед началом возникло такое напряжение, что кончиться все могло чем угодно, сорваться мог каждый, но на «Разлуке» зал сперва завыл, потом засвистел и вдруг грянул дурными овациями, масть пошла. После «Гуд бай, Америки» в зале стояла форменная паника.

Счастливые наусы рванули переодеваться, им предстояло тут же выходить в белкинском составе; лучше бы они этого не делали. Как бы то ни было, Белкин провалился, и со страшным треском. А за компанию проваливаться пришлось Диме со Славой. Публика не рассмотрела в них только что покинувших сцену «Наутилусов», и почему-то на Диму обратилась праведным гневом в виде бутербродов с колбасой, которыми принялась в него кидаться. Колбаса была полукопченая, от чего не легче…

Со сцены уходили зашуганные, как после драки со старшеклассниками, а тут еще Шевчук подъехал, который сам буквально за полчаса до того провалился на собственном концерте, по поводу чего неслегка выпил. И устроил похохотать, ревел: «Металлисты!» (а одеяние у Белкина и правда было по непонятным причинам металлическое). Швырял Белкина в огромное зеркало в коридоре, подвернувшегося Пантыкина треснул лбом в переносицу, только очки по коридору зазвякали, а Бутусова отчего-то назвал Борзыкиным, нежно обнял и аккуратно оборвал тому все пуговицы с пиджака. Из ЛДМа Шевчука уносили силой и на руках. Белкин исчез, в тот день никто его не видел. А Дима со Славой незамедлительно впали в прострацию.

На утро, утро долгожданного пленума, они заперлись в номере с пришлой девицей и стали пить портвейн. Свердловская рок-н-ролльная делегация занервничала, попыталась было вернуть заблудших овец на путь истинный, но последние решили всем доказать, что никакие они не овцы, с каковой целью и стали швырять из окна восьмого этажа пустые бутылки, только что освобожденные от портвейна. У дверей номера за день перебывали представители рок-общественности обеих столиц плюс столицы Урала, администрация Ленинградского дворца молодежи, менты какие-то; «Наутилус» спьяну решил выдавать себя за «Варяга». Но поскольку в закрытом помещении портвейн неминуемо должен был когда-нибудь кончиться, очухались примерно за час до концерта.

Отбиваясь от Кормильцева, который как раз окончательно

проклял тот час, когда решился связать судьбу с алкоголиками, Слава с Димой неверной походкой тронулись на сцену. Там бродил благостный Гребенщиков и со всеми подозрительно вежливо здоровался.

Вокруг шли приготовления к ответственному концерту, на дверях торчали милицейские посты, нигде, никого и никуда не пропускали. В зале кучковались милиционеры и камеры телевидения, и тут концерт еще раз оказался под угрозой срыва: выяснилось, что остальным свердловчанам, включая самых-самых махров, не дали билетов. И рок-клубовцы вполне в комсомольских традициях этого заведения приняли коллективное решение: поставить организаторам ультиматум: или билеты свердловчанам, или играть не будем. Положение спас Илья, за что на него еще долго все обижались: поэт заявил, что плевать ему на всех, «Нау» играть будет в любом случае…

На сцене у Славы стало плохо с голосом, Слава все время мотал головой и пил воду, что не мудрено после такой подготовки… Под сценой бродил, наливаясь мрачными предчувствиями, Давид Тухманов, он отвечал за мероприятие. Маялся. В «Шаре цвета хаки» Слава забыл последний куплет, привычно дождался, когда музыканты бросят играть, подошел к микрофону и сказал: «Нельзя». Зал решил, что дальше петь — дело и вовсе криминальное, радостно зашевелился. Телевизионщики заводили камерами; Тухманов вообще пропал… Худо-бедно доиграли, в зале творилось странное бурление, несколько затушеванное телевизионщиками с софитами и камерами, с профессиональным, почти кэ-гэ-бэшным любопытством шнырявшими по рядам, отчего становилось совсем неуютно.

Со сцены ушли, судорожно додумываясь, что же произошло — то ли провал, то ли еще что, но вслед за «Нау» рванули фотографы, радио, телевидение, просто журналисты, и примерно через полчаса до героев наконец дошло, что на самом деле приключился триумф.

Гребенщиков во втором отделении был профессионален и неожиданно скучен, свердловчане даже растерялись; публика частично балдела, частично расползалась по фойе; композиторы размеренно перемещались в буфет.

Гвоздем вечера был «Нау», и вбит этот гвоздь был прямо в пленум несчастных композиторов, что стало ясно на последовавшем в Зеркальной гостиной обсуждении, которое, впрочем, назвать таковым было трудно; композиторы молчали. Посеревший Тухманов сидел безразлично и даже чему-то улыбался. Постепенно, нехотя разговорились, возникали то

музыковеды, лепившие нечто благостное, то какой-то рабочий, стихи читал… Во время выступления Гладкова на сцену выскочила Ната из «Зомби» и крикнула, что Тита забрали в ментовку. Началась паника, а Тухманов почему-то дал слово Родиону Щедрину. Тот вздохнул и сказал:

— А что?.. Все мы «скованные». Я, лично, скованный…

Композиторы насупились.

Вечером в гостинице пошли разборки против алкоголя; с криками, с обвинениями, с доказательствами вреда водкопития… А когда пафос достиг вершины, Коля Грахов неожиданно предложил выпить. И выпили.

Как бы то ни было, для «Наутилуса» это был первый «шаг наверх».

3. На Поклонной горе

Почти сразу случился фестиваль в Новосибирске, выступил «Нау» отменно. А через день выяснилось, что Алика Потапкина забирают в армию. Пришлось срочно уговаривать и вводить в программу Володю «Зему» Назимова. Впереди маячили стены Москвы.

Москва, город всяческими дарованиями обильный, в глубине своей коллективной души в собственные свои силы не очень-то верит, а потому поджидает искони какого-нибудь сибирского мужичину, который правде-матке вразумит без остатку, премного совокупно удовольствия доставив. Тут бы, кажется, и катить мужичью во Стольный град, да вот беда: не всякого мужика столице надобно, всякие и так прут… Мужик Москве нужен особенный. Тайну эту свердловские рокеры раскусили в начале восьмидесятых, когда «Трек» в столицу был зван, да и поехал, а вернулся очень потрепанный. «Урфин Джюс» наоборот не поехал, хоть и собирался, как-то раз даже аппаратуру в поезд затащили, но тактический дар Пантыкина взял верх, едва успели до отхода аппарат обратно из поезда выбросить. Вот и вспоминают в Москве старые люди, что была когда-то легендарная группа «Урфин Джюс»… А «Трек» в московском рокерском народе переименовали в «Дрек» и вспоминать отказываются. Но совсем не известно, как бы сложилось, если бы «Урфин» вовремя из поезда не стал аппарат выгружать…

«„Нау“ собирался брать Москву „всерьез и надолго“, въезд на белом коне планировался загодя, тщательно, с учетом прошлых ошибок. Сперва нужно было „сделать“ провинцию, далее нужен был — Питер, там „Нау“ знали, штурм пленума Союза советских композиторов удался. До старой столицы вести из некогда новой быстро летят, в Москве заволновались. „Наутилус“ покорил Ленинград, — писала газета „Московский комсомолец“ (30.07.87), — и намеревался продолжить свой триумф в Москве… Но выступления были отменены и встреча с асами уральского рока весной 1987 года не состоялась. Жаль. Москвичам есть чему у них поучиться: если именитые ленинградцы выглядели бледновато на фоне „Наутилуса“ и „ЧайФа“, то, мысленно представив себе их появление, скажем, на июньском фестивале рок-лаборатории в ДК им. Горбунова, мы получили бы просто сокрушительный для столицы контраст.»

Так-то так, но в Свердловске считали, что столица «не дозрела». Наполеон, согласно известной картине, сидел в ожидании ключей на походном стульчаке. Но не дождался.

Бутусов поступил мудрее: он сидел на кухне у Белкина, скрашивая тактический маневр питием крепленых напитков. А в промежутках выезжал на «околостоличные» мероприятия.

23-24 мая — Вильнюс, «Литуаника» — лауреатство.

Саша Калужский, тогдашний директор, смеялся по поводу того, что «Наутилусу» дали первое место, чтобы москвичам не давать. Это правда, но не вся, публика в Вильнюсе настроена была очень агрессивно, а «Нау» посреди 1987 года вышел не просто с русскоязычной, а вообще с русской народной песней. «Когда „Разлуку“ запели, — вспоминает Леша Могилевский, — на сцену полетели коробки, копейки, спички горящие, а пели-то в потемках… И как ни странно, народ не мохнул, а крепко разозлился, я видел Умецкого, он был готов взорваться… Мы стали рвать струны, строить рожи, я начал из „Малыша“ выламывать клавиши… И поперло, зал переломился, „Мальчик Зима“ ухнул, включили свет, а у нас, оказывается, грим несовковый… Концерт кончился „на полное ура“, мы стали уже спокойно по окрестностям перемещаться…»

21 июня — концерт в Таллинском дворце спорта, атас.

27-28 июня — Черноголовка — 3-е место согласно социологическому опросу (впереди только «ДДТ» и «Алиса», неплохая компания!).

Параллельно происходили странные концерты «то ли в Рыбинске, то ли в Саранске»… Там было весело: аппарат «трехполосный», три колонки на сцене, не слыхать ничего, зал набит — из деревень крестьян автобусами привозили… Три хлопка в зале, публика спит… Директорствовали тогда Саша Калужский и Костя Ханхалаев, они их устраивали. Впрочем, тоже практика…

4. Счастливый конец счастливого года

11 сентября открылся фестиваль в Подольске, знаменитый фестиваль, «ключи от Москвы»… Под открытым небом, дождичек шел, спали на матрасах, укрывались матрасами, пили сухое вино, были там дикие очереди, чтобы вино купить, да еще нужно было за ним идти в сам город Подольск. Бродил по коридорам Майк, и было очень его жалко. «Он тогда крепко пил, как мы с сигаретами ходим, так он с пузырем ходил.» (из интервью А.Могилевского). Пили, впрочем, все и отчаянно; Шевчук устроил ночью страшный грохот в номере, оказалось, пытался выбросить в окно кровать. Зачем, непонятно, но не выбросил, сил не хватило. Концерт в Подольске стал едва ли не худшим за всю историю «Нау». Однако до сих пор можно слышать от очевидцев, что именно в Подольске довелось им повидать лучший, замечательнейший концерт тогда еще малоизвестной группы «Nautilus Pompilius». Симптом замечательный: они доросли до того, что публике стало не слишком важно, слушать их или не слушать…

Осенью — мощное выступление на «Рок-панораме», первый подлинно московский концерт… И заведомо успешный, на сей счет сомнений уже не было. Приключился, правда, малоприятный инцидент: подвернулась дама из Питера, модный фотограф, и буквально перед выходом на сцену из лучших побуждений подсунула Славе что-то покурить. А пора играть, такая ответственная атмосфера… Слава зобнул, не очень-то представляя себе последствия, ну и началось… «Я хочу быть с тобой» без одного куплета сыграли, в «Марш, марш левой» забыл слова почти полностью… Хотя, по поводу дурной памяти на слова — это Славин давний и любимый конек… Но публике было все равно, в рядах наблюдались заранее заготовленные цепи — черт знает, откуда их понатащили — при первых звуках «Скованных» народ их повытаскивал и давай греметь. Триумф собственного рабства… Одним словом, весело прошло. Группа, выступавшая после «Нау» минут пятнадцать не могла начать игру, зал «бисировал» и требовал нового кумира.

Звоночек протренькал перед самым Новым 1988-м, уволили Андрюху Макарова. По прозванию «Макаревич». Посчитали, что нужен более грамотный звукооператор, коим оказался Володя Елизаров, старый друг Хоменко Алексея Палыча… Саша Калужский известил о том Макарова, и тот ушел. Обиделся в последний раз.

Часть 5. Скованные

1. Январь и метаморфозы

«Однажды жена Мичурина полезла на яблоню за грушей, а на голову ей свалилась дыня.»

Д.Умецкий

Год начинался неплохо. То есть, хорошо. Даже отлично! «Наутилус» получил красивую бумагу следующего содержания: «„Московский комсомолец“. Грамота. НАГРАЖДАЕТСЯ группа „НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС“, признанная по итогам 1987 года лучшим дебютом в читательском опросе „Звуковой дорожки“. РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ „МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ“ — (подпись) (П.ГУСЕВ). ВЕДУЩИЙ „ЗВУКОВОЙ ДОРОЖКИ“ — (подпись) (Д.ШАВЫРИН)». И планов имелось форменное громадье. Музыканты в начале января собрали манатки и отправились уже по-настоящему в столицу. Собирались в студию Чернавского. Веселились, как могли, настроение у всех было отличное. И старались, как могли, не замечать, что в воздухе витает особая атмосфера нервозной и неприятной популярности, всегда сопровождающая появление новой крупной звезды. К счастью, такое долго не длится, но и «недолго» не всем удается пережить. Или хотя бы обойтись без крупных потерь.

Музыканты оказались в общежитии МВТУ им. Баумана, там и засели на месяц, за который пару раз побывали на студии Чернавского, где к собственному удивлению занимались обивкой стен какой-то тканью, пару раз сходили в спортзал, а к концу января получили по сто с чем-то рублей зарплаты… Но что казалось им куда более важным, ни Славы, ни Димы в общаге не наблюдалось. Слава в том январе большую часть времени проводил с финнами, неожиданно возникшими на горизонте в связи со съемками документального фильма о советском роке «Серп и гитара». Режиссер, Марьяна Мюкконен, в Славу просто влюбилась, киногруппе Слава тоже очень понравился, в результате чего он и растворился в пространстве настолько основательно, что мог неделями не появляться вообще.

А Дима растворился в другом направлении, Дима вплотную занялся московской жизнью. С теми же последствиями. Музыкантов это раздражало необычайно, однако они, как могли, пытались работать. Сотрудничество с Чернавским не состоялось. Зато само собой случилось другое крупное знакомство: они попали в студию Кальянова, студию Пугачевой, не хухры-мухры!

И понемногу договорились до альбома.

2. «Казнь тишины»

«Забивали в цифру» его прямо в общежитии, забивали Хоменко и Елизаров, у них в комнате и клавиши стояли, и секвенсор, который Славе финны подарили. Здесь следует подробнее остановиться на «гуманитарных» результатах кадровых перестановок: потому что к Хоменко прибавился Володя Елизаров, звукорежиссер, аранжировщик, композитор, мультиинструменталист. Забежим вперед и добавим, что вскоре должен был появиться басист Витя Алавацкий… Фокус в том, что это были люди совершенно для группы новые и стоявшие особняком, это мягко выражаясь. Отличные профессионалы, музыканты со стажем, никак с рокерским несоотносимым, люди старой кабацкой закалки, но без рок-н-ролльного прошлого. Слово «кабацкий» в данном случае используется не оценочно, а определительно: музыканты, по много лет игравшие в ресторанах — люди особенные и по-своему замечательные. «Со странностями». Старый кабацкий музыкант, например, не пьет, потому что если бы пил, давно бы уже не был музыкантом, а возможно и вообще бы «не был». Профессионал, но склонен к «определенному» музыкальному прочтению любой вещи, трудолюбив, но в результате должен получить за работу деньги, что само по себе совсем не плохо, но явно действовало бывшим энтузиастам на нервы. Люди пришли, склонные не к загулу, а работе, совершенно не падкие на жидкие проявления новообретенной славы, но привыкшие к стабильности.

Они и уселись прямо в общежитской комнате творить новый альбом. Сперва его нужно было «забить в цифру», то есть заложить в музыкальный компьютер все партии. Забивали без Славы, он тусовался где-то, и без Димы, их привлекали редко. Тогда, кстати, с большим удивлением обнаружили, что в «Гудбай, Америка» Дима всегда играл не ту гармонию. На концерте, в шуме и в гаме не слышно, и он всю жизнь играл не ту ноту. А когда в цифре забивали бас, оно и вскрылось, ко всеобщему музыкальному конфузу. Но это мелочи, с готовым почти альбомом явились в студию.

Туда же пришла Алла Борисовна… Вспоминает А.П. Хоменко: «И сама со Славой маялась, у него тогда очень плохо было с голосом, мы просто уходили в другую комнату, там сидели, а он стоял с наушниками, она — рядом с наушниками и с текстом и прямо карандашиком отмечала, что, мол, „тут ты спел, а отсюда давай, перепевай“… А потом, когда вышел Могилка и спел, она говорит: „Ты почему все с первого раза поешь классно?“ Могила

все спел без всяких вопросов, а со Славкой работали… Она была его первая учительница пения… И сама спела бэк-вокал в „Докторе твоего тела“. Увы, альбом это не спасло. Назывался он „Князь тишины“. А на бутлегерских кассетах почему-то значилось: „Казнь тишины“». Ошибок случайных, как известно, не бывает.

Впоследствии на обложке альбома появился список состава: «Вячеслав Бутусов — вокал, гитара; Алексей Могилевский — саксофон, бэк-вокал; Алексей Хоменко, Виктор Комаров — клавиши; Владимир Елизаров — гитара, бас; Владимир Назимов — ударные». И дело даже не в легкой неправде: и барабаны, и бас, и клавишные, почти все в альбоме исполнял компьютер, что не могло не сказаться на уровне его «автоматизированности». Дело в том, что Дима Умецкий поминается только в качестве соавтора слов «Прощального письма», в просторечии «Гуд бай, Америка».

Случилось все глупо до неправдоподобия: в первых числах февраля пришел Дима и предъявил ультиматум: или принимаете мои требования, или я ухожу. Требования, сказать по-честному, были не ахти какие, но и не слишком приемлемые: убрать Хоменко и Елизарова, оставаться в Москве, менять «крышу» вкупе с директорами, еще мелочи какие-то… Или он уйдет. Слава сказал: «Если ты все решил, уходи.» И уговаривать не стал. Дима на такой разворот не рассчитывал, его должны, обязаны были уговаривать, пришлось молча уходить.

Срочно выписали из Свердловска Витю Алавацкого и, поскольку очередной концерт назначен был буквально на следующий день, посадили за пульт; Елизаров за ночь выучил всю программу на басу. Играли без Димы. Закончился январь 1988 года.

Странный январь. Славу никто почти не видел, его возили по столице, как свадебного генерала. Музыканты сидели в холодной общаге и обижались, много пили, иногда появлялся Слава, «одаривал» их парой блоков дефицитного в то время «Кэмела»; они обижались еще сильней, но брали, курить-то надо… А Дима просто влюбился. Но главное не в том: в январе стало ясно, что «Наутилус» уже превратился в нечто, которое стало выгодно делить на части. Делить «на разных основаниях», в зависимости от конкретных устремлений каждого конкретного участника деления. А участники были разные…

3. Деление на разных основаниях

«Изолировать Славу начали Калужский и Ханхалаев…» (А.Могилевский). И зря они это начали. Однажды на концерт приехал Стас Намин со своим директором и когда узнал, за какие — даже по тем временам! — смешные деньги Ханхалаев продает «Нау», сказал: «Ребята, вам надо с ним расставаться, либо он дурак, либо просто много ворует.»

Расставаться, впрочем, пришлось бы и без советов умного Намина: вокруг «Нау» шли постоянные маневры слишком мощных сил: «Она (А.Б.Пугачева — Л.П.) его (В.Г.Бутусова — Л.П.) тащила к себе, и не получилось только потому, что он инфантильный, ему это на хер все не нужно. А Намина он просто боялся. Аллу он не боялся, Алла — баба, а Стаса он боялся, потому что Стас — он майор, он сразу посадит на гауптвахту, и все.» (из интервью А.П.Хоменко). Ответ на вопрос, почему они не попали в сферы, сулившие и деньги, и славу, и всяческие прелести, до сих пор остается загадкой. И уж сущая загадка — как могло выйти, что группа, известная так или иначе практически всему дееспособному и не очень населению страны, не смогла обеспечить себе многолетнее и безбедное, хотя бы в смысле финансовом, состояние? Обратимся опять-таки к Хоменко, и да простится автору обильное цитирование.

«Славик не мог существовать в рамках упорядоченной работы, в рамках машины, которая должна ехать. Он идет себе пешком, остановился, пятку почесал, пошел, побежал, лег, поспал… Только так он может… Он нищий по жизни, он не хочет перспективы, ему это все не надо. По жизни, по нутру не надо. И это нормально, я его сравнить мог бы только с одним человеком, с Моррисоном. Он шаманит на сцене и все, а народ поддается этому шаманству. (Sic! Помните, как студент Арха на пьянках брал гитару и пел тарабарщину, от которой невозможно было оторваться? — Л.П.) Моррисону нужно было что-нибудь?.. Так вот, Славка — как Моррисон, то же самое. Баллистическая ракета летит, понимаешь, моторы ревут, первая ступень ревет, вторая работает, а боеголовке ни хрена не надо…»

Однако, идем дальше. В начале марта Володя Назимов почти ушел, Калужский его вернул. К середине апреля «ушли» Калужского вкупе с Ханхалаевым. В то же время катилась какая-то бесконечная гастроль в Алма-Ате, работали с «Машиной времени», разогревали перед нею толпу… Тогда появился новый директор, Боря Агрест, которого все и до сих пор поминают добрым словом, «что бы он там ни крутил за нашими спинами.

Его любимая поговорка была: „Занимайся творчеством.“» (из интервью А.Могилевского.) Написали заявления в «Росконцерт», сложили туда трудовые книжки, а тут еще стали их приманивать Америкой, должны были ехать летом 88-го, Генрих Боровик устраивал «Марш мира» по семнадцати городам Штатов. Но в мае «Черный кофе» ездил в Испанию, и у них звукооператор «сдриснул». И тогда решили, что «Машина времени» — проверенные ребята, а остальные — кто их знает, кто они такие, вдруг все останутся? Кислород и перекрыли…

5 мая, ДК УЗТМ. Первое за долгое время выступление «Нау» в Свердловске. В зале сидел Кормильцев, шутил: «Вот она, поступь капитала!..» Зал ревел, заводил сам себя, группа работала угрюмо, тяжело. Пантыкин, которому концерт страшно не понравился, высказал все Алавацкому и Кормильцеву. И был ошарашен, когда оба — оба! — с ним согласились…

Играли… Где только тогда ни играли!.. И зачем играли? Непонятно.

4. Рок-н-ролл, равенство, братство и Бутусов

В те времена у Славы появилось новое развлечение: стал он посиживать в холле очередной гостиницы и подозрительно ехидно по сторонам посматривать. Странное явление тут же привлекло внимание Кормильцева, который и поинтересовался, в чем дело.

— Сядь, — сказал Слава, — посиди…

Илья уселся рядом и вскоре увидел проходившего по коридору… Ну, не важно, кого именно. Слава, давясь от смеха, шепнул:

— Смотри, «Наутилус» идет…

Шел и правда «НАУТИЛУС»… Потом прошел второй «НАУТИЛУС», потом третий… Ребят распирало от собственной «наутилости»; Слава мрачно веселился… Музыканты не понимали, в чем дело, но все равно обижались.

А с музыкой становилось все хуже, играть стало противно, музыканты на чем свет стоит крыли Бутусова, Кормильцева, друг друга и всех фанатов чохом. В головах царила смута. И всех почему-то страшно интересовал ответ на один простой вопрос: почему? Что такого нашла эта публика, чтоб ее, в «Наутилусе»?.. Откуда эта несчастная популярность, никому уже, кажется, ненужная? То приходили к выводу, что виной тому собственные очень профессиональные аранжировки, то склонялись к мысли, что все дело в текстах Кормильцева, которого, надо сказать, никто из музыкантов терпеть не мог. Но выходило, что если не его хвалить, придется хвалить Бутусова, что было бы слишком. Славу могли только ругать.

Мало того, музыканты перешли в оппозицию по вопросам коммерческим, тут во всяком случае всегда был повод придраться, а если не было, то можно его просто заподозрить. Требовали рассчитываться по-другому, хотя никто не знал, как именно, и почему-то всех страшно раздражала славина привычка с каждого концерта платить Кормильцеву. Все отказывались понимать, как за единожды написанный текст можно постоянно деньги получать. Спорадически вспыхивали натуральные бунты; в довершение всего введен был в те времена модный «бригадный подряд». Бригадиром избран был Витя Комаров, он «утрясал» проблемы со Славой и с администрацией, он записывал протоколы собраний коллектива. «Слушали — постановили…» Это не шутка, какие тут шутки. «Постановили увеличить ставку В.

Бутусова, солиста и автора музыки группы „Nautilus Pompilius“ на сто рублей за единичное выступление…»

Слава то впадал в прострацию, то мучился одиночеством. И судорожно искал выход. В качестве такового и появился в июне Егор Белкин, старинный славин собутыльник, бывший гитарист «Урфин Джюса» и прочая, прочая… Стало легче, но не надолго, Белкин — тоже не подарок, да к тому же с философским образованием и неукротимой привычкой поучать, доблестный продолжатель велеречивых традиций Демосфена и Цицерона, хотя и не подозревавший о печальном конце обоих. Хотя был у него один подлинный козырь: на гитаре играл и поныне играет просто великолепно.

Скоро Слава опять искал выход, искал мучительно. И выход неотвратимо должен был выйти странен. Все понимали, что группа катится, но куда?

По большому счету, перед нами встает старый, занудный вопрос: почему распался, да и потом долго еще — если не всегда — будет перманентно распадаться «Nautilus Pompilius»? Касательно причины всех неприятностей существует обыкновенно распространенная версия — деньги. «Пока не начались деньги, все было просто отлично… Коммерческие рельсы нас и загубили…» Так считает Витя Комаров. Другие считают примерно так же. Но дело все-таки не в деньгах. Или не только в них.

По самому крупному счету проблема в том, что в начале пути никто ни малейшего представления не имел о том, куда дорожка приведет, шли скопом в одну сторону, а тут и началось… И нужно решение принимать одно на всех, а головы-то разные! И люди разные, все разное! И образуется пропасть в недавно братских рядах, а перепрыгнуть не получается, да и не хочется. Что поделать, такова судьба всех энтузиастов, наконец добравшихся до вершины: непонятно, что на ней делать. Так что в сравнении с рокерами тех времен прославленные лебедь, рак и щука являют собою образец мира, взаимопонимания и целеустремленности.

Ребята, по отдельности милые, добрые люди, замечательные профессионалы, напоролись на пережитки «равенства и братства» («свободы», говоря по чести, в рок-н-ролле вообще никогда не водилось) просто потому, что вчерашние равные друг другу братья рано или поздно должны были обнаружить, что не совсем и не во всем друг другу равны. И обнаружили, но понять и принять таковое положение не смогли. Еще вчера все были воистину равны, а теперь одного возят по спонсорам-шмонсорам, с одним разговоры разговаривают, с ним же бумаги подписывают… А он уже и сам сообразил, что за подпись ему единолично отвечать придется, он уже что-то там думает и по-

колхозному со всеми не советуется… Да и его понять можно: вчерашние друзья в нынешние подчиненные ну никак не годятся. В принципе не годятся… А ведь еще и амбиции… Обиды мешались с обидками, вчерашние друзья впадали в детство, срывались в крик, обижались до слез, а назавтра садились ладком похмеляться, и все начиналось заново.

При подобных размышлениях люди причастные и знающие сперва кивают, затем обыкновенно задумываются, потом часто морщатся и… «Если бы не Слава…» Если бы не Слава, не было бы «Наутилуса». Но если бы не Слава, прежний «Наутилус» бы был. Как говаривала одна дама: «Получается парадокс.»

Психология Бутусова — загадка для многих, больно странная штука… Мнений на сей счет высказано во множестве, но есть свидетельства примечательные своей исторической объективностью. Например, протокол заседания Свердловского рок-клуба от 30 июня 86 года, «разбор полетов» по окончании первого фестиваля. Разбирали группу «Флаг», которая из побуждений совершенно искренних, наивно-патриотических выставила на сцену флаг Советского Союза, к тому же «в боях погорелый, пулями побитый», каковые повреждения нанесены были полотнищу перед концертом членами группы и грозили вызвать кары вплоть до закрытия любимого рок-клуба. Братья-рокеры частью ругались, частью «Флаг» выгораживали, но нам интересно следующее:

«Бутусов: С одной стороны — правление, которое должно отреагировать, с другой стороны — группа, которую мы все хорошо знаем. Нужно выбрать решение, которое бы всех удовлетворило. Давайте проголосуем.»

Далее — ругань, предложения, мнения, и опять…

«Бутусов: Давайте проголосуем.»

Еще поругались, наконец проголосовали. Вот стенограмма:

«Голосование: оставить кандидатами — 22; исключить — (никого); отклонить заявление на 6 месяцев — 46; воздержались — 1 (Бутусов).»

В некотором смысле, ответ на вопрос, каковы воззрения Бутусова, дал Кормильцев в одном из интервью 90-го года: «Что касается Славы, у него определенных взглядов не было и нет. В том смысле, что вообще нет. Можно по разному это оценивать, но для меня он — скорее святой, чем гидроцефал.» Слегка неприятно, но довольно точно во всем, что касается конкретных взглядов и решений, то есть их отсутствия. Скорее всего, с некоторых пор самой неприятной обязанностью стала для Славы именно необходимость принимать решения, он, как мог, уклонялся от нее, позволяя этим «решениям» самим

выкристаллизовываться в пространстве. А затем смирялся с ними, сколь бы странными и неприятными они ни выходили. Ответственность же с необходимостью ложилась на славины плечи, с чем и остается его поздравить… Впрочем, прямой обязанностью Бутусова, единственно сочетавшейся с его способностями, были все-таки песни.

Так вот: за лето 1988-го Бутусов не написал ни одной песни. Вытаскивал старые из загашника, маялся, новых не было.

5. К вопросу о финских автостоянках, советских таможенниках и безработных музыкантах

В августе выступали в Сочи, дежурные курортные концерты, парк Фрунзе. Разогревала публику какая-то металлическая команда, концерт в шесть вечера, а что такое шесть часов в Сочи? Солнце лупит в глаза, народ обмахивается газетками, слушает «Скованных одной цепью»… А до этого жуткие металлисты прыгали, что-то пытались «лабать»… В общем, парк отдыха… И каждый день скандалы. Лешку Могилевского к концу вообще «сняли с дистанции» за попытку выехать на концерт во фраке, с саксофоном и в трусах. Впрочем, бывало и похлеще… Сняли его с поручением срочно зашиться, о чем он впоследствии даже бумагу Славе принес. Не помогло. В какой-то там по счету раз уходил из группы Назимов, его возвращали, он опять уходил.

В сентябре — первая поездка за рубеж, Финляндия. Выступали в кинотеатрах перед фильмом Марьяны Мюкконен «Серп и гитара», только два концерта прошли в нормальных залах: один играли с финской командой «Гидиапс», другой — в тусовочном кафе в центре Хельсинки, где выступают гастролеры, одни имена которых — почти легенда. Стены в кафе расписаны автографами на разных языках, чуть не все знаменитые буржуи отметились. Слава написал: «Совки попали в засаду»…

Одним словом, гастроли вышли спокойные, практически без происшествий, но с большим количеством нервов, истрепанных в спорах-разговорах, в ругани. Кормильцев день за днем отводил кого-нибудь в сторону и нудил, что ему ничего не нравится, что группа зациклилась, что кризис наступил, все плохо, жутко, скучно, однообразно… Нагнетал атмосферу. А Слава из сомнамбулического состояния уже почти не выходил; впрочем, видели его только во время концертов, сразу после которых в компании Белкина он растворялся на финских просторах вплоть до начала следующего концерта. Музыканты тоже разделились на две партии, «пьющих и непьющих», к первой относились Зема, Пифа и Могилка, фактически уже зашитый, но духовно — еще нет. Ко второй — кабацкие люди. Томились порознь.

Было, правда, слабое развлечение с автостоянками, которое, если бы тамошние полицейские были порасторопнее, могло бы перерасти в развлечение мало-мальски приличное, ан не вышло. Взятый напрокат автобус оставили у гостиницы, утром обнаружилась на лобовом стекле бумажка, штраф. На следующее

утро фокус повторился, и оказалось, что порядок прост: утром в одно и то же время, в 8.05, приходит полицейский и рассовывает под «дворники» штрафы. Уральские хлопцы рассудили здраво, стали вставать в половине восьмого и минут на сорок выезжать на природу, загород. Ничего о подобной подлости не подозревая, приходил пунктуальный шуцман, расклеивал штрафы, возвращались наусы, ставили автобус на место и ложились спать. Правда, несколько штрафов все равно накопилось, но автобус был прокатный, талончики аккуратно сложили в бардачок, и кто там расплачивался, неизвестно…

Домой возвращались поездом, Могилевский вез пару порнографических журналов, его дружно пугали таможней; окончательно затравленный Леха спрятал журналы в соседнем вагоне под мусорное ведро, откуда они — ко всеобщей радости — исчезли. Таможенники на Леху внимания не обратили.

Егор Белкин курил со Славой в тамбуре и размышлял — вслух, естественно — о том, не пришло ли время вернуть Диму. Слава слушал, слушал, пообещал по приезде в Москву с Димой переговорить, поехал к нему прямо с вокзала… И не вернулся.

Хотя нет, съездили в Ташкент. «Все это настолько к тому времени приелось, что походило на нудную работу, можно было стоять на сцене и думать о чем-то своем, можно было с закрытыми глазами играть… Нудятина пошла… Слава очень плохо пел, болел, постоянно возил с собой какие-то лекарства, какие-то штуковины себе в горло засовывал, заливал что-то… У него были проблемы с голосом. Программа работалась кое-как, а под конец шел блок нетленок, народ его ждал и — „Ура!..“» (из интервью В.Комарова).

Последним было выступление в Свердловске, 14 октября, на третьем фестивале рок-клуба. Перед началом огромный зал Дворца молодежи странно томился, начали не сразу, медленно, неуклюже раскачиваясь, но под рев восторга, который постепенно стал спадать, спадать…

В последних числах октября к Лешке Могилевскому пришел в гости Зема, отбил в коридоре чечетку и объявил:

— Все, мы уволены.

— Ну и слава Богу, — сказал Могилевский.

Часть 6. По дороге в Коломяки

1. Быть с тобой

«Там что-то ужасное происходило, Чикаго тридцатых годов…»

Е. Белкин

Уходил в прошлое второй год славы. Не Бутусова, а просто. «Нау» объявлен был лучшей группой Союза Серпастых, в хит-парадах от него деваться было некуда, сами хит-парады похожи были, как близнецы. «Группа года», Бутусов — лучший то композитор, то певец, а то вдруг — к собственному немалому удивлению — даже и гитарист… Кормильцев периодически оказывался лучшим поэтом-песенником, газеты пучило от «Наутилуса». Которого уже не было.

Были Слава и Дима. Опять вместе. Что и не странно, весь период катастрофической популярности — или популярной катастрофы? — оба незаметно приближались друг к другу. Но оба по-разному. Во время разлуки Дима, если чем-то и был одержим, так это спасением «Наутилуса», считал, что «Наутилус» идет под откос, что нужно Славу спасать, что нужно срочно менять стратегию, менять тактику, все переделывать. Только и разговоров было, что о «Нау». Дима рвался спасать Славу, а Славе очень хотелось с Димой помириться и снова работать вместе. Вот и вся немудреная подоплека события, вызвавшего в свое время столько сплетен и недоумевающих вопросов. Более того, трудно сказать, чтобы кто-то из них был хоть чуточку неискренен.

Встретились, засели дома у новой Диминой жены, Алены Аникиной, веселые от обретенного и обоим позарез необходимого единства, назначали друг друга то «Художественным руководителем группы „Nautilus Pompilius“» (им стал Дима), то «Музыкальным руководителем» (Слава); пили чай, обсуждали новый альбом. Раздобыли какую-то «портастудию», стали записываться, чего-то не хватало.

«Слава мне позвонил и сказал, что они собираются работать над альбомом, что он состав старый распустил и хочет на подмосковной даче спокойно поработать.» (из интервью А.Пантыкина.) Недолго поколебавшись, мучимый дурными предчувствиями, Пантыкин прихватил с собой клавишу и поехал в Москву, где был тут же вывезен на дачу. Намечалась весна, в воздухе пахло влагой, внутри было тепло, маленькая комната являла собою довольно приличную студию, работай, да и

только… Вышло поработать, но в большей степени вышло «да и только»…

2. «Человек без имени» и будущего

«Обстановка поначалу была великолепная, веселые Слава, Дима, на природе, никаких лишних людей, мы втроем… Поставили клавишу, привезли какой-то пульт, магнитофон, все это включили, Слава показал материал, материал отличный, просто отличный. Но дальше началась… ерунда.» (из интервью А. Пантыкина.) Фокус заключался в том, что собираться работать и собственно работать — разные вещи. А с целеполаганием у двоих руководителей «Наутилуса» наблюдались разночтения. Плюс прибывший Пантыкин, который тоже «себе на уме», хоть и призван был — по сути — повторить свой подвиг времен «Переезда».

Дима был поглощен организаторской деятельностью: мотался в Москву и обратно, выбивал деньги, договаривался. Ему слегка портило нервы то, что всякие спонсоры с ним разговаривали, однако на документах желали видеть подпись Бутусова. А на даче работали вдвоем Слава с Пантыкиным, писали аранжировки, наигрывали демонстрационную запись. Приезжал Дима, слушал и делал выводы. Ему почему-то казалось, что при участии Пантыкина из «Наутилуса» неминуемо выйдет «Урфин Джюс», что вынуждало относиться к результатам труда настороженно. Случались легкие недоразумения: Дима во время работы чаще всего на даче не присутствовал, кто и что предлагал, не слышал, а по приезде уличал в «урфинджюсовости» куски, выдуманные Славой. А то вдруг хвалил за «наутилость» придумки Пантыкина.

В тот момент Дима имел сформировавшуюся, но, судя по всему, совершенно невнятную концепцию будущности «Нау», которую с азартом и претворял в жизнь. «Дима хотел сделать „Наутилус“ актом искусства в его понимании, — рассказывает Пантыкин. — Вне рамок социальных, рамок поп-культуры, популярности, славы… А не вышло по простой причине: как только человек начинает охранять какое-то дело от чуждых и вредных для дела влияний со стороны, он сам подрезает себе и делу крылья. Им владела идея сделать… до сих пор не могу понять, что он хотел сделать. „Наутилус“ к тому времени имел свою историю, уже были стонущие залы, пленки крутились чуть не в каждом доме… Он стал частью культуры страны. И вдруг нужно было сказать, что это все была х…я, а вот теперь мы, ребята, займемся делом, потому что истинное искусство, оно вообще в другой области залегает.»

Вскоре дела приобрели все свойства «Сказки про белого бычка»: Бутусов с Пантыкиным выдумывали, приходил Дима и

говорил:

— Не то.

— Что, «не то»?

— А хрен его знает! Не то, что должно быть!

Что именно «должно быть», он не знал, предлагал идеи плана не музыкального, а общегуманитарного или организационного, Бутусов с Пантыкиным пытались их как-то реализовать, а потом Дима опять приезжал из Москвы и признавал в сделанном явные признаки «Урфин Джюса»… Переписывались тексты, перекраивалась музыка, каждая песня была уже на пленке в десятках вариантов; Диме все не нравилось. Слава все чаще сидел с понурой головой и вскоре выработал оптимальный способ общения с внешней средой: при первой попытке начать «серьезный» разговор — стакан коньяка залпом, и мир прекрасен. Этим способом он вскоре пользовался практически во всех случаях.

Наконец пришло, по мнению Димы, Пантыкину время собирать манатки, Александр отбыл на историческую родину, прихватив синтезатор и за собственный счет, обещанных денег он, как не справившийся с творческой задачей, не получил.

Дом в Коломяках, переезд в Питер, новая администрация — последний димин подарок «Наутилусу». Дом отыскали случайно, здоровенная хоромина с мезонином глядела на почти деревенскую улочку выбитыми окнами, в гостиной бомжи жгли костер из дверей. Хозяин сидел в тюрьме, сидел крепко, лет восемь еще оставалось «трубить»; его отыскали, заключили договор о «сдаче внаем жилья», на договоре в качестве лица, законность сделки удостоверяющего, расписался начальник колонии, полковник какой-то, сверху приложились колониальными печатями, бумага получилась — хоть кошек пугай… Бичей разогнали, дом отстроили почти заново, в одной из комнат оборудовали студию. И…

Ничего не «и». Набрали музыкантов, без них даже Дима уже не мог обойтись. Но и с ними Дима сосуществовать уже не мог. И не потому, что все они были профессионалами, басиста превосходившими по уровню несравненно; беда была внутри. Дима уезжал в Москву, возвращался, опять уезжал… Жизнь еще шла каким-то странным, ей одной понятным, чередом.

Режиссер Виктор Титов, постановщик таких замечательных фильмов, как «Здравствуйте, я ваша тетя» и «Жизнь Клима Самгина», должен был приступать к съемкам фильма по сценарию Алены Аникиной и под названием «Человек без имени». Готовились по-настоящему, ездили на пробы. Там небритый, замерзший Слава сидел однажды в автобусе, мрачно смотрел на

мир, автобус остановился на окраине деревушки, мимо шла молоденькая девушка. Случайно бросила взгляд на автобусное окошко, всмотрелась и с тихим воем: «Бутусов! Бутусов…» — стала заваливаться в обморок. Виктор Абросимович Титов, внимательно эту сцену наблюдавший, буркнул: «Дикость какая-то…» Слава смолчал, уже привык. Уже выработал в себе отношение к происходящему, неожиданное в своей «бутусовости»: «Делаешь вид, что это не с тобой происходит. И нормально…»

3. Горький плод лауреатства

К концу 89-го вокруг имени «Nautilus Pompilius» витала таинственность, ни поклонники, ни газетчики, а подчас и друзья не знали толком, что же происходит. Да что там поклонники, вот выдержка из интервью Ильи Кормильцева, данного корреспонденту газеты «На смену» в начале декабря: «Этот год я занимался не столько „Наутилусом“, сколько другими вещами. С трудом представляю сегодня, чем они („Наутилус“ — Л.П.) занимаются. Приходится судить по конечному результату. Последний раз я их видел по телевизору. Это произвело на меня удручающее впечатление.» (9.12.1989.)

Илья несколько лукавил, потому что и знал, и виделся, но заявление показательно до чрезвычайности. К тому времени поэт «собирал манатки», он тоже не выдерживал конкуренции с Умецким, а Умецкий тоже писал стихи, активно писал, и жена его писала… Кормильцев редактировал в Свердловске журнал «МИКС — Мы и Культура Сегодня», активно занимался художественным переводом, переводил и просто так, синхронно, чем, собственно, на жизнь и зарабатывал, пробовал себя в прозе. Как это ни странно, спасла ситуацию премия Ленинского комсомола за 1989 год. По поводу присуждения которой и было дано интервью поэта, в нем он объяснял причины своего от этой премии отказа.

Выдвижение на такую премию — дело долгое, хлопотное, с бумажками и документами, с фотографиями претендентов… Свердловские комсомольцы искренне считали, что совершают для «Нау» великое благо, а что считали в ЦК ВЛКСМ — им видней, в ЦК, но премию после долгих мытарств присудили и… «Русская служба Би-Би-Си» передала отречение от нее одного из трех лауреатов, поэта Ильи Кормильцева.

Заметим по ходу, что это было едва ли не единственное столкновение «Нау» с политикой. Как ни странно, авторы «Скованных одной цепью» и «Шара цвета хаки» в дело реально-политического преображения Отечества нашего старались не лезть. Лишь однажды бес их попутал поучаствовать в сборном концерте в поддержку демократов, то были времена выборов в Верховный Совет РСФСР, времена всенародной поддержки «демократических тенденций», в качестве носителя которых и возник Геннадий Бурбулис. «Носитель» страшно нервничал и, поскольку сам бутылку купить не догадался, быстренько самоопределился в виночерпии. А бутылка была музыкантская, горбачевская, дефицитная. Бурбулис дрожащей рукой разливал и себя не забывал; рокеры косились …

«Сейчас понятно, что Геннадия Эдуардовича Бурбулиса нельзя было выбирать даже в управдомы, — признавался впоследствии Илья Кормильцев („Солидарность“, N9, 93), — но мне не стыдно, потому что Геннадий Эдуардович нам ничего не платил… Таким образом, это была действительно народная поддержка, пусть ошибочная…» Тогда же самому Кормильцеву было сделано предложение на предмет выдвижения в народные депутаты ультрамодного, освященного массой «демократических» имен, Верховного Совета РСФСР. Если вспомнить, что именно тогда в высшие органы законодательной власти без труда попадали и модные телеведущие, и шарлатаны, и просто психопаты, лишь бы подемократичней, нетрудно предположить, что перспектива проникновения Кормильцева в Верховный Совет была более чем реальной. Однако Илья Валерьевич крякнул и от всенародной поддержки наотрез отказался.

А позднее — забежим чуть вперед — уже весь «Наутилус» отказался выступать в грандиозном концерте 21 апреля 93-го на Васильевском спуске. Перед Всероссийским референдумом, в поддержку Ельцина. Участие в «поддержке» обещали оплатить, «Наутилус» заявили в афишках, в чем явно перестарались.

Однако вернемся к премии Ленинского комсомола. Собственно отречение происходило вечером по телефону, Илья ждал звонка и страшно волновался, несмотря на то, что все было заранее оговорено. А когда снял наконец трубку, незаметно для себя, непроизвольно выключил в комнате свет. Ему было страшно. Плюрализм плюрализмом, а хрен его знает, чем все могло кончиться… Говорил он что-то не совсем внятное про «политическую организацию» и гнусную роль подписавшегося под премией А. Иванова в политической травле несчастного рок-н-ролла, телефонная связь традиционно не ладилась, Илье приходилось в трубку орать; в результате все прошло в пересказе комментатора Григория Нехорошева.

И взорвалось! Во-первых, Илья, на двух солауреатов разобиженный, о грядущем отказе даже не поставил их в известность. Во-вторых, у них были на сей счет свои планы, Дима прекрасно понимал, что на премии можно много чего наварить, и был прав. А в-третьих, скандал неминуемо должен был выйти громок, вылиться на газетные страницы, так что замяться без последствий не мог по определению. Так что ругались прилюдно, всесоюзно… Ругались Илья с Димой, Слава по обыкновению отмалчивался и резких шагов не предпринимал. Но активным участникам конфликта было ясно, что дело решит именно он: хрен с ней, с премией, но с кем Слава останется, тот и будет собственно «Наутилус». Что придавало делу некоторый азарт.

Увы, сколько бы Дима ни называл себя «художественным руководителем группы „Nautilus Pompilius“», истина уже тогда была и ему, и прочим очевидна: «Слава может остаться один, наберет себе, допустим, хор из филармонии, все равно это будет „Наутилус“». (из интервью В.Комарова.)

Оставлять же сей фрегат, что тоже всем поголовно было очевидно, стало делом чреватым множественными печальными последствиями. «Наутилус», невзирая на морскую ассоциативную направленность собственного названия, прошелся по жизням собственных участников как самый что ни на есть сухопутный, тяжеловесный танк, гусеницами им по печенкам-селезенкам… Ни один из некогда уволенных членов группы впоследствии не смог как-то соразмерно реализоваться. Во всяком случае, в сфере музыкальной. Андрей Макаров, Витя Комаров — бизнесмены. Володя «Зема» Назимов — отличный барабанщик — тоже в бизнесе по уши. Могилевский Алексей записал впоследствии два альбома в рамках своего проекта «Ассоциация Содействия Возвращению Заблудшей Молодежи На Стезю Добродетели», два альбома, так никому и не нужных, в данный момент — 1995 год — опять оказался в «Нау» и опять грозится работать над «Ассоциацией». Егор Белкин… Хоменко, Алавацкий, Елизаров… А уж на тему «Заблудшие директора» «Наутилуса» можно написать отдельную книгу. Наконец, Дима Умецкий…

Вернемся, однако, к скандалу с премией. Цитировать статьи того времени не хочется, от них пахнет чистым дерьмом. И пересказывать историю Диминого ухода тоже не хочется, потому что, как банально это ни звучит, у каждого бывают моменты слабости, срывы. В Свердловске ходили слухи, что Дима за Славой чуть ли не с топором гонялся, но это неправда. Хотя одному из администраторов крепко перепало только за то, что не вовремя под руку подвернулся.

Так или иначе, домик в Коломяках опустел ровно на одного человека. Умецкий ушел и унес с собой неявный привкус очаровательной «дури», окрашивавшей все вещи раннего «Нау». «Я лучшей пары, лучшего дуэта до сих пор еще не видел», — свидетельствует Егор Белкин, а он знает, что говорит. Неприятности пошли «на спад», глухо отдаваясь газетным эхом. Дошло до смешного: одновременно вышли статья в «Аргументах и фактах» (N12, 1990), в которой Бутусов и Кормильцев делились будущими планами группы, и в «Комсомолке» (27.03), где сообщалось, что «Наутилус» окончательно распался, но скоро на виниле появится альбом «Человек без имени». Не появился, не дали… Зря, наверное.

4. Прощание

Грустная история несостоявшегося «возвращения в прошлое» до сих пор вызывает вопросы, главный из которых — почему все так нелепо получилось? Причины, как бы странно это ни прозвучало, коренятся не в обидах, не в амбициях, не в дурном чем-то произволе, но в идеологии. В исконном философском понимании этого слова, ибо «идеология» есть по определению «восприятие мира, извращенное под влиянием идей». В моменты жизни относительно спокойные, когда идеи дремлют, все мы воспринимаем мир относительно одинаково, но речь-то идет о моменте выбора, моменте критическом, решающем. Вот когда идеи достигают высокого состояния страсти, кипят в головах, в результате мир в каждой из них окрашивается столь причудливо и своеобразно, что картины Дали в сравнении с ним — мазня начинающего маляра.

А Дима Умецкий и Слава Бутусов всегда были слишком разными, просто до времени разность эта была неважна. Вот свидетельство весьма наблюдательного очевидца, относящееся еще к концу семидесятых, к временам счастливого студенчества. «Слава был молодой, симпатичный юноша, слегка ироничный, с лошадиной улыбкой, очень приятный, несколько мягкотелый, но очень талантливый. Дима — это человек с двойным дном, очень своеобразная личность. У него была маска шута горохового: смешил всех, кого ни попадя, хохмач, балагур, шуточки постоянно отмачивал. С его-то несерьезной тогда внешностью… Но иногда за шутовством проглядывало, что это человек очень не простой. Умный, расчетливый, что проявлялось редко и неявно.» (из интервью А. Коротича).

Вот еще пара цитат: «Дима был хороший организатор, он был идеолог, он знал, „где масло, где хлеб“, этого у него не отнять. Очень грамотный человек, очень эрудированный, очень интересный, приятный человек. А Слава был талантливый.» (Егор Белкин). «Дима был идеолог, а Слава — лицо.» (Виктор Комаров)

Во время недолгого перемирия они на самом деле хотели «быть с тобой», вернуть былое единство, но смысл, содержание этого единства каждый представлял по-своему. Слишком по-своему.

Дима рвался обустраивать, осваивать Москву, как нефтеносное месторождение. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, какие откроются перспективы, если поставить дело на нужные, т. е. столичные по сути, рельсы.

Слава рвался в скит. В замкнутое пространство, где случилось

бы ему наконец передохнуть, отдышаться. И поначалу надеялся, что таким забором окажется для него именно Дима. А у того были свои планы…

Умецкий с тех пор живет в Москве, где постоянно хочется выйти из дома и пойти в гости, на концерт или просто прогуляться у Патриарших. Бутусов — в Питере, где хочется уйти домой, закрыться покрепче и выпить водки. Лучше с другом, а можно и так. Одним словом, разошлись. И не следует по обыкновению вопрошать: «Кто виноват?!» Вопрос этот исконно русский, потому и задается так часто, что ответа не имеет по определению. Дурацкий вопрос.

Свято место пусто не бывает, заросло. Следа не осталось, как это ни странно. Слава из дома почти не выходил, зато с азартом репетировал. «Поперло», наконец… Шел январь, мозглый, мокрый питерский январь, звонил по соседству гулкий колокол на колоколенке, в доме репетировали, ели, спали, жили…

Часть 7. Второе дыхание наугад

1. Зима-весна — 90. Дебют в Берлине, концерты в Свердловске, тур по Прибалтике

Несмотря на то, что по итогам 89-го года «Наутилус» занял второе место в хит-параде ТАСС, популярность группы начала идти на убыль. Для широких масс не осталось незамеченным то обстоятельство, что в течение целого сезона группа не дала ни одного живого концерта. Как следствие в итоговом хит-параде украинской «Молодой гвардии» «Наутилус» был назван «разочарованием года», а в «Московском комсомольце» «разочарованием года-2».

Тем временем ситуация внутри группы в очередной раз изменилась. На этот раз в лучшую сторону. Бутусов оперативно набирает новый состав, полностью состоящий из ленинградских и московских музыкантов: Игорь «Гога» Копылов (экс-«Петля Нестерова») — бас, Александр Беляев (экс-«Телевизор») — гитара, Игорь «Джавад» Джавад-заде (экс-«Арсенал») — ударные. Потенциал и перспективы этого проекта являлись загадкой для многих — уж слишком разную музыку играли дебютанты группы до своего прихода в «Наутилус». И если с Джавадом все было более или менее ясно — один из лучших барабанщиков страны, появившийся в группе «по наводке» Кинчева, мог сыграть практически любой ритмический рисунок, то Беляев и Копылов в своих прежних проектах ориентировались на музыку, имевшую очень мало общего с тем, что делал до этого «Наутилус». Вспоминает Игорь Копылов:

«Мне тогдашний „Наутилус“ дико не нравился. В первую очередь — из-за допотопного звучания клавиш. В „Петле Нестерова“ мы минимальным составом из трех человек уже давно перестроились на гитарную музыку и ничего другого просто слушать не хотели. Уж очень сильно достала массовая депешмодовщина вокруг. Ещё недолюбливал переизбыток „тарелок“ — хотелось побольше „мяса“ и драйва».

Вскоре выяснилось, что к новому звуку стремился и Бутусов: «Я уже давно хотел внести в саунд группы новые краски. В начале восьмидесятых для меня толчком послужила „новая волна“ как форма. Теперь меня больше привлекают монстры — „Роллинг Стоунз“, Игги Поп, Лу Рид».

В январе у группы появилась возможность записать несколько песен в Москве в ДК Горбунова. К этому времени «Наутилус» успел отрепетировать с полдесятка композиций — совсем свежие

«Музыка на песке», «Как падший ангел», «Родившийся в эту ночь» и несколько старых — в частности, «Бриллиантовые дороги» и «Тихие игры». Они и были зафиксированы на пленку — с помощью еще одного музыканта «Арсенала» Льва Орлова (сына диссидента Орлова, много помогавшего Сахарову), подыгравшего группе на гармошке. Долгое время оригинал этой 20-минутной демо-записи считался утерянным, пока рулон с пленкой не был случайно обнаружен Бутусовым у себя дома в процессе субботника.

В феврале новый «Наутилус» дебютировал на фестивале в Восточном Берлине. По воспоминаниям Бутусова, это был один из последних фестивалей «социалистического духа».

Идея восстановления единой Германии тогда главенствовала настолько, что все остальное уже не имело значения. Новая программа находилась еще в достаточно сыром состоянии, и была определенная логика в том, чтобы ее обкатка состоялась вдали от дома. Но желаемого смотра сил не получилось. Практически без настройки «Наутилус» отыграл четыре песни — в условиях, максимально приближенных к боевым. Вокруг царила суета, музыкантов постоянно било током, коротили шнуры, фонили динамики. На последней композиции у Беляева порвалась струна, и песню пришлось доигрывать втроём: барабаны-гитара-бас. В такой хаотичной обстановке прошло первое живое выступление группы.

Меньше чем через месяц «Наутилус» приехал в Свердловск, где дал три сольных концерта и принял участие в фестивале местного рок-клуба. Новая программа охладила пыл публики не хуже ушата холодной воды или дубинок выстроившегося у сцены оперотряда. Концерт начался с барабанного соло Джавада. Он появился на сцене в платке, в темных очках, коротко стриженый и стартовал с барабанной интродукции на двух «бочках», с применением четырех альтов, октабанов, тома, штук шести «тарелок», целой батареи «лайн-бэллов». Затем барабанное соло плавно совместилось с эффектным басовым риффом Копылова, и группа начала играть «Отход на Север», измененный до неузнаваемости и доведенный до предела безысходности. Свердловские зрители были в растерянности — перед ними стоял абсолютно другой «Наутилус», который связывали со старым лишь тексты Ильи Кормильцева и вокал Вячеслава Бутусова. Это был принципиально иной подход к звуку и к построению композиции. В новой музыке не было слащавости и кича, не было традиционного тандема «клавиши-саксофон», куда-то пропала былая помпезность. Взамен появился скрытый нерв, внутренний надрыв, жесткая гитарная динамика, заструктурированная в

сложные ритмические рисунки. Окончательный итог отрыву от народа и от минувших идеалов подчеркнуло выступление «на бис», во время которого вместо привычного «Гуд бай, Америка» нежданно-негаданно прозвучала битловская «I Love Her». Прогнозировать, чего можно ожидать от такой группы в ближайшие недели или месяцы, пожалуй, не мог никто. В этот самый момент на «Наутилус» обрушилось с небес приглашение в Америку.

2. Russians are comming!

«Наутилус» получил приглашение не просто выступить в Нью-Йорке, а принять участие в одном из самых крупных в мире промоушн-мероприятий под названием «New Musical Seminar». Перед отъездом в Америку группа дала несколько концертов в Прибалтике. «Нас там очень полюбили, — вспоминает Бутусов. — Не за то, что мы играли что-то очень странное и кривое, а за то, что приехали в такой судьбоносный для всей Прибалтики момент и как бы невольно оказались соучастниками и их борьбе за независимость».

Включив в состав группы гитариста Егора Белкина, «Наутилус» в середине июля вылетел в Нью-Йорк. Как всегда, не обошлось без неожиданностей. Первая из них состояла в том, что оказавшись в Шереметьево-II, группа узнала, что сотрудник аэропорта, который должен был передать музыкантам билеты, здесь не работает. Оставшихся до вылета пяти часов хватило на то, чтобы эти билеты достать. «Наутилус» начал планомерную атаку на девушек-кассиров: в ход пошли плакаты, чарующие улыбки, автографы, клятвы и обещания. В итоге в тот же день четыре музыканта уже ночевали в Нью-Йорке — в «Marriott Marquis Hotel», в том самом, в котором за год до этого представителям советской миссии в ООН вручали награду для Горбачева как «человеку года».

На следующий день на рейсе «Pan American» прилетела остальная часть делегации — вместе с директором группы Дмитрием Гербачевским. Новости, привезенные ими, оказались неутешительными. Вылетавший из Ленинграда представитель спонсорской организации «Уралмет» был остановлен в Пулково пограничниками уже после регистрации билета и таможенного контроля. Ему сообщили, что виза на выезд аннулирована и, соответственно, в Нью-Йорк он не полетит. Это означало, что «Наутилус» оставался в Америке без средств к существованию. Мало того: номера в гостинице были заказаны всего на один день, а далее надо было либо платить по 150 долларов в сутки, либо — «Гуд бай, Америка».

Они нашли третий вариант. Среди прибывших на семинар трех тысяч журналистов и продюсеров оказалась представитель западногерманского отделения «LRO music» Рифф ле Рош, занимавшаяся экспортом свердловских групп в Западную Европу. Благодаря Рифф музыкантов «Наутилуса» удалось расселить на частных квартирах ее нью-йоркских друзей и знакомых.

Понятно, что первоначально «Наутилусу» город активно не

нравился, в особенности то, что в течение целого дня под окнами со страшной силой ревели машины. Среди нарушителей тишины выделялись полиция, пожарные, а также темнокожее население Бруклина, разъезжавшее в машинах с открытым верхом и включенными на полную мощность динамиками с гангстерским рэпом. Чтобы все видели, кто едет. Помимо этого — грязища на улицах и в транспорте, толпы бомжей, которые цепляются и просят помочь, хотя еще неизвестно, кто кому должен помогать.

Концерт «Наутилуса» входил в программу семинара и должен был состоятся 18 июля в клубе «Kenny's Castaways», расположенном в богемном районе Гринвич Виллидж, неподалеку от легендарного клуба «CBGB». Чтобы до конца понять масштабность семинара, заметим, что в тот же день на других площадках выступали «Jesus & Magy Chain» и «Red Hot Chili Peppers» — правда, в активе последних еще не числился «Blood Sugar Sex Magic». Что же касается «Наутилуса», то он оказался во главе советского рок-вторжения в «Kermy's Castaways» — в одной обойме с симпатичной литовской командой «Bix», а также с хард-роковой «Группой Гуннара Грапса» и припанкованным «Соловей-разбойником» из Таллина. Вся акция носила ярко выраженный домашний характер и преувеличивать ее интернациональное значение при всех симпатиях к «Наутилусу» все же не стоит.

На следующий день группу пригласил выступить у себя в клубе бывший менеджер «Yardbirds» по фамилии Гомельский — то ли одесский, то ли польский эмигрант. Сцена находилась на первом этаже дома, в котором жил Гомельский — в свое время на ней выступали Игги Поп со «Stooges» и другие знатные люди. Публики человек 150. Типичный «квартирник в электричестве», причем большую часть зрителей составляли работники советского представительства в ООН, ряд прибывших на семинар западно и восточноевропейских специалистов, а также съемочная группа «Global Vision». Говорят, это был сказочный концерт, возможно, лучший для нового состава «Наутилуса». Акклиматизировавшиеся музыканты наконец-то въехали в американский образ жизни, сбросили зажатость, стали более свободными, сменили свои одежды на шорты и футболки. Прием был просто феерический — «Наутилус» долго не хотели отпускать, а через пару дней их пригласили в пригородный Оссининг, где в местной студии был отснят клип по песне «Скованные одной цепью». На этом американская эпопея группы была завершена. Остается добавить, что официальный вызов «Наутилусу» на этот семинар пришел в Ленинград по почте лишь спустя полтора месяца.

3. Немецкий след

Помимо воздушных замков и несбывшихся устных обещаний западных партнеров поездка в Америку все-таки имела одно существенное достоинство. Речь шла с реальном контракте с упоминавшейся выше фирмой «LRO Music». Миллионами в контракте не пахло и в помине, но зато западные партнеры обязывались обеспечить участие «Наутилуса» в ряде немецких рок-фестивалей, а также профинансировать и спродюсировать запись нового альбома. Поэтому в течение лета и ранней осени 90-го года группа сыграла в Германии невероятное количество концертов. К примеру, в Западном Берлине «Нау» выступил вместе с «Аукцыоном» и «Поп-механикой» на советско-германском фестивале «Dawai Rock-n-Roll», затем с небольшими перерывами группа отыграла в Ганновере, Гессене, Касселе.

«Наутилус» разъезжал по Германии на собственном микроавтобусе, с которым вечно что-нибудь происходило. По дороге в Ганновер автобус попал в жуткую дорожную пробку, в результате чего группа явно опаздывала к началу концерта. Выбравшись на встречную полосу, водителю всеми правдами и неправдами удалось развернуться, поехать в обратном направлении, сделать огромный крюк, но все же успеть к началу. После концерта Бутусов мрачно пошутил, что в этой дорожной пробке лицом к лицу столкнулись беженцы: бизнесмены, мигрирующие из Восточной Германии в Западную, и панки, перебирающиеся из Западной Германии в Восточную. В другой раз где-то посредине пути закончился бензин. Благо, невдалеке находилась воинская часть, и три добровольца — Джавад, Бутусов и Белкин — отправились в расположение советских войск зарабатывать высоким искусством на бензин. На местных инструментах они а-ля трио отыграли незабываемый концерт, причем Бутусов играл на басу, а Белкин пилил на гитаре «Урал». Особым успехом у офицерского состава Красной Армии пользовалась композиция «Бриллиантовые дороги», приобретшая в данном контексте весьма актуальную окраску.

4. «Наугад», «Родившийся в эту ночь»

С альбомом «Наугад» группе откровенно не повезло, причем не повезло во всех отношениях. По контракту с немецкой фирмой ее представитель Франк Остерланд взял на себя обязанности по звукопродюсированию альбома. На средства «LRO Music» было выкуплено время на студии «Телевизора» на Фонтанке, где в ноябре 90-го года «Наутилус» начал записывать новые песни. В принципе, еще до начала процесса было понятно, что группа ввязалась в рискованное предприятие. Дело в том. Франк не был саундпродюсером в общепринятом смысле этого термина. В Западном Берлине на средства матери (зубного техника по специальности) он приобрел небольшую студию, на которой записывались небогатые немецкие панк-группы, не слишком трепетно относящиеся к собственному звучанию. В Ленинграде Франк столкнулся не с пресловутой «советской экзотикой», а с людьми, которые конкретно знали, какой именно звук они хотят получить в студии на той или иной композиции. Вспоминает звукорежиссер «Наутилуса» Александр «Полковник» Гноевых:

«В то время у нас было ощущение, что на Западе все хорошо, и халява там отсутствует по определению. Это оказалось иллюзией — халявы там не меньше, чем у нас. У Франка Остерланда это была первая крупная работа, он абсолютно не имел опыта, и очень скоро стало понятно, что ничего особенно выдающегося из нашего союза не получится. Я должен был работать в студии вместе с ним, но так и не смог найти общий язык. В конце концов я решил: „Нет, пусть из нас двоих это делает кто-нибудь один“».

Франк неприятно поразил не только звукооператора, но и самих музыкантов. «Франк слишком по-панковски относился ко всему, что попадало ему под руки в студии, — говорит Игорь Копылов. — Если под ногами путался длинный шнур, от него тут же отрезался „лишний“ кусок, если барабан звучал чересчур звонко, то брались кусачки и откусывались „ненужные“ пружины — „чтобы не мешали“». Апофеоз наступил в тот момент, когда немцы развинтили бас-гитару Александра Титова (одолженную басистом «Аквариума» Копылову на время записи) со словами, что в ней, мол, «всё стоит неправильно».

Песни, зафиксированные на Фонтанке, решено было «добить» для баланса фрагментом ленинградского концерта группы, записанного Андреем Макаровым. Сам магнитоальбом — с отксерокопированной обложкой, размноженный чуть ли не в домашних условиях, распространялся на кассетах при помощи

какого-то ленинградского кооператива. Матрица со студийной записью (т. е. без концертного фрагмента) под названием «Родившийся в эту ночь» была отдана в Москву на «Русский диск», где провалялась около полугода. Первые партии виниловых пластинок появились в продаже лишь летом следующего года, а повторный тираж в 250 000 экземпляров увидел свет в 92-м году.

Реакция прессы на «Наугад» и его виниловую версию была вполне предсказуемой. «В перегруженности философией — определенный недостаток альбома, — писала свердловская „Рок-хроника“. — В нем нет цельности, будто авторы стремились так или иначе потрясти слушателей набором экстраординарных мыслей. Что ж, им трудно отказать в интеллектуализме. Но альбом при этом слушается как сборище случайных вещей, лишенных общего стержня.»

Любопытно, что когда через несколько лет «Наугад» решили переиздать на фирме «Мороз Рекордз», то в качестве дизайна его обложки с невероятной, скажем, смелостью было использовано оформление одной из пластинок ирландской группы «U 2». Сходство получилось попросту вызывающим.

5. Штурм Москвы

Презентацию магнитоальбома «Наугад» решено было осуществить в Москве, в которой группа не выступала уже два года. Акция состоялась в ДК Горбунова 19 и 20 декабря. К этому моменту состав «Наутилуса» увеличился на двух музыкантов — виолончелиста Петра Акимова и флейтиста Олега Сакмарова, помогавших «Наутилусу» еще во время записи «Родившегося в эту ночь». И если сотрудничество с Акимовым носило эпизодический характер (возникли проблемы совмещения виолончели и баса в одном регистре), то творческий союз с Сакмаровым продлился вплоть до 94-го года. К слову, чтобы выступать тогда под знаменами «Наутилуса», Олег отказался от десятимесячной стажировки в Принстонском университете (США).

«Мы с Акимовым в студии на Фонтанке помогали „Колибри“ записывать их первый альбом, — вспоминает Сакмаров. — В следующие после „Колибри“ смены в студии работал „Наутилус“, а я всегда являлся их большим поклонником. Меня очень сильно цепляло, как Бутусов поет, а Кормильцев пишет тексты — у них просто уникальный тандем… Мы внедрились в „Наутилус“, не выходя из студии — Слава тогда решил уравновесить жесткость гитарной линии звучанием флейты и виолончели.»

Москва встретила «Наутилус» не до конца заполненным залом — несмотря на то, что стоимость билетов была на редкость демократичной (10 рублей при вдвое большей цене одной пачки «Малборо»). После нескольких песен зал разделился на две части — одна половина рванула к сцене, вторая — в буфет. На «Черных птицах» — сложной композиции с рваным ритмом — вовсю разошелся Белкин, извлекавший из гитары волны черной энергии и имитируя слайдером страшный визг птиц. В середине программы Бутусов поменял электрическую гитару на акустическую и с серьезным лицом объявил: «Песня народов Севера — „Я хочу быть с тобой“». В зале — никакой реакции. И лишь на «Бриллиантовых дорогах», посвященной памяти Цоя, толпа немного раскачалась, стала подпевать и жечь спички.

«Действительно, после старого состава народ воспринимал новую программу достаточно болезненно, — вспоминает Бутусов. — Мы сами все это тогда достаточно болезненно воспринимали — под знаком „Даешь индепендент!“ Новый индепендент но в старых трусах. Хотя я до сих пор считаю, что то звучание было интересно — по крайней мере, в студийном варианте.»

Через несколько недель после концерта «Московский

комсомолец» опубликовал итоговый хит-парад за 90-й год, в котором «Наутилус» с большим отрывом выиграл гонку за титул «Разочарование года». В ленинградской прессе (газета «Смена») ситуация выглядела более радужно: в категории рок-групп «Наутилус» занял седьмое место, в категории «поэтов-песенников» Илья Кормильцев был восьмым, а появившийся в начале года на виниле альбом «Князь Тишины» в итоге оказался девятым.

Тем временем группа в полном составе репетировала на квартире в Коломяках первые композиции новой программы «Чужая земля». «На нас напал какой-то азарт, — вспоминает Копылов. — Репетировали недели напролет, никуда не выходя из дома. Джавад играл под бубенчик, мы втыкали гитары в какие-то допотопные ЛОМовские динамики и… вперед. Девочки-администраторы носили нам продукты, а мы не знали, день сейчас или ночь, и какое на улице время года. Накануне грядущего тура по стране я решил съездить домой к матери и очень удивился, увидев, что на улице уже плотным слоем лежит снег.»

Часть 8. Чужая земля

1. Старый новый барабанщик

Не успел начаться тур, как стало известно, что группу покидает Джавад. Это была серьезная потеря. Помимо того, что Джавад был одним из лидеров группы и, пожалуй, самым профессиональным музыкантом «Наутилуса», он всегда умел создать в коллективе доброжелательную атмосферу — что, впрочем, не мешало ему являться постоянным генератором, казалось бы, безумных идей. Начиная от его лекции, бесплатно прочитанной в одном из немецких университетов о перестройке и положении рок-музыкантов в СССР и заканчивая бесчисленными проектами в настоящем и будущем. Как правило, Джавад возил на концерты целую кухню экзотических инструментов — какие-то гонги, казаны, которые он два часа собирал и час разбирал. Параллельно «Наутилусу» он успевал помогать в московской студии записаться новому хард-роковому проекту Гаины (экс-«Круиз»), что-то замышлял с Игорем Поляковым из «Лицедеев» — в духе авангардного джаза с элементами клоунады, мечтал о собственной панк-группе и т. п.

«Было видно, что несмотря на свою энергию и габариты, Джавад достаточно хрупкий человек, — вспоминает Бутусов. — Перед тем, как уйти, он долго рассказывал мне о своей семье, представлениях о жизни. В его биографии всего этого поп-джаз-рока было больше, чем у каждого из нас. Еще в детстве он играл на свадьбах, в цирке и сейчас, по его словам, он заинтересовался исключительно чистым искусством».

Последние выступления Джавада в составе «Наутилуса» состоялись в конце февраля 91-го года в Казани, когда все четыре концерта он отыграл на одном дыхании. Во время собственных соло он чуть ли не «асса» кричал, а его барабанные брэки и сбивки звучали так, как будто за барабанной установкой сидел западный музыкант. В «Стриптизе» он эффектно применял октабан, Полковник на пульте делал «холл», и когда на сцене возникал ураганный драйв, Джавад добавлял еще и еще. Он прощался с группой. Как выяснилось позднее, Джавад оказался чуть ли не единственным музыкантом, который покинул «Наутилус» сам, по собственному желанию. Восток, как известно, дело тонкое — сейчас Джавад выступает в аккомпанирующем составе у Кристины Орбакайте.

Когда в группе стало известно об уходе Джавада, Бутусов вспомнил о вернувшемся недавно из армии Алике Потапкине, который, по слухам, находился в составе «Агаты Кристи». Действительно, Потапкин, за плечами которого было не только

музучилище, но и участие во взлете «Наутилуса» 86–87 годов (его барабаны звучат на классических концертниках того времени в Новосибирске и Таллине, а на фестивале в Подольске его партии были исполнены ритм-машиной «YAMAHA RX-17») в данный момент был необходим группе, как воздух.

«Мне позвонили поздно ночью, и я узнал, что из „Наутилуса“ уходит Джавад, в связи с чем срываются тур и намечающаяся поездка в Японию, — вспоминает Потапкин. — Я уже несколько месяцев не играл, так как музыка, которую исполняла „Агата Кристи“, меня „не грела“, и из группы я ушел. Мой „технический перерыв“ несколько затянулся, сопровождаемый сильнейшим безденежьем, депрессией и большим желанием завязать с музыкой вообще.»

Тем не менее, уже через несколько дней Потапкин встретился с группой в Перми. Алик не видел «Наутилус» более трех лет, и то, что он услышал, перевернуло его душу наизнанку: «Когда начался концерт, я просто ничего не понял. На сцене куча гитар, стоит грохот, рев, Джавад колотит по своей громадной барабанной кухне. После его очередного таджикского отвяза я подумал: „Мама моя дорогая! Что же я буду делать?“»

Пауза между концертами составляла десять дней, за которые Потапкину нужно было заново разучить 22 песни. «Я бегал весь в мыле, не понимая, как все это „хозяйство“ можно запомнить, — впоминает Алик. — У меня в голове была каша, в запасе всего четыре репетиции. А мне так хотелось что-нибудь привнести в ритмику группы от себя!»

3 марта, спустя чуть ли не четыре года, Потапкин повторно дебютировал в составе «Наутилуса»:

— Я вышел на полусогнутых ногах, и мне становится смешно, когда я вспоминаю, чего я там наковырял. В начале концерта у меня получилась не интродукция, а дурдом на барабанах. Затем мы нашли выход — вместе с Сакмаровым начали играть вначале «Болеро» Равеля, которое плавно перетекало в «Отход на Север».

Возможно, в этом была какая-то закономерность — если в составе сменился человек, должно же что-то измениться в самой музыке? Этот тур «Наутилуса» по Сибири состоял из 14 концертов в Омске, Новосибирске, Томске и Красноярске. В конце тура Алик колошматил по барабанам так, словно он не покидал группу со дня ее основания.

2. «Рок против террора» и рок против «Наутилуса» (фестиваль в поддержку жертв Чернобыля в Минске)

6 апреля 1991 года в московском Дворце спорта «Крылья Советов» состоялся масштабный Рок-фестиваль, названный его со-организаторами из «Комсомольской правды» и телекомпании «ВИД» как «Рок против террора». Помимо уникальной возможности музыкантам ведущих рок-групп страны собраться вместе, фестиваль ставил перед собой благородную цель: всю прибыль от акции передать жертвам трагических событий в Прибалтике и в Закавказье. Участвующий в фестивале «Наутилус» оказался в одной компании с «ДДТ» «Алисой», «Бригадой С», «ЧайФом» и еще добрым десятком групп.

Фестиваль начался весьма помпезно чуть ли не на Ленинградском вокзале. Прибывшую из Питера внушительную рок-делегацию встречал бравурными маршами военный оркестр, недвусмысленно подчеркивая в непростых условиях локальных противостояний единство армии и народа. Следующим пунктом акции оказалась пресс-конференция, состоявшаяся в конференц-зале «Комсомольской правды». По свидетельствам очевидцев, журналисты, словно сговорившись, задавали дебильно-поверхностные вопросы, сквозь которые участники концерта с трудом пробирались, чтобы сказать что-нибудь по существу. В выступлении Бутусова — к слову, чуть ли не первом за последние полтора года, выделялось несколько основных моментов: о закрытии телепрограммы «Взгляд», о политической ситуации в стране и о взаимоотношении армии и народа. Изначально не большой любитель крупных рок-тусовок, Бутусов тогда придерживался теории о том, что в нынешнее время выступление в хорошей компании просто необходимо. «Мы — „злоумышленники по духу“, — заявлял он, — и для проведения общей политики нужно совместно действовать, чтобы не скиснуть. И чтобы всех по одиночке не придушили.» Непосредственно сам фестиваль состоялся через день после пресс-конференции и представлял собой восьмичасовое шоу, проходящее фактически без пауз перед переполненным залом Дворца спорта. Одно из условий, выдвинутое администрацией «Крыльев Советов», гласило, что концерт должен закончиться к 23 часам. Соответственно, времени на настройку у музыкантов практически не было, и в среднем каждая группа успевала сыграть по 3–4 композиции. Правда, и за этот промежуток

времени вполне можно было понять, кто есть кто — благо, за примерами для сравнения далеко ходить не приходилось.

Кинчев заводил бушующую толпу лозунгами типа «Красная гадина агонизирует, так поможем ей сдохнуть», интеллигентный «Віх» воткнул в одну из композиций щедрую музцитату из «блокадной» Седьмой симфонии Шостаковича, «Бригада С» — с дудками и без Галанина выплёскивала энергию и буквально «рвала» зал на куски.

Когда объявили «Наутилус», в зале поднялся дикий визг. Группа в составе Бутусов — Беляев — Белкин — Копылов — Сакмаров — Потапкин начала с недавно отрепетированной «Монгольской степи». Затем пошли «Новые легионы» (показанные на следующий день по телевидению), «Князь Тишины» и, в качестве коды, «Бриллиантовые дороги». Несмотря на взятый с самого начала чересчур быстрый темп, «Наутилус» в тот день сыграл чуть ли не по максимуму.

Через две с половиной недели группа выступала уже в Минске — в рамках международной акции в поддержку жертв Чернобыльской катастрофы. Концерт проходил на открытом республиканском стадионе «Динамо» и имел определенный европейский резонанс — в связи с участием в акции английских групп «Esho And The Bunnymen», «China Crisis», «Lirldisfarne». Примерно в середине программы Потапкин неожиданно сбился с ритма, Белкин не успел в «Падал теплый снег» поменять гитары, да и Бутусов на этот раз пел как-то блекло. А у сцены в полном составе стояла «Машина времени» (также участвовавшая в фестивале), внимательно отсмотревшая весь наутилусовский блеск от начала и до конца. После концерта в гримерной стояла мертвая тишина. Когда садились в автобус, Бутусов сказал только одну фразу: «Нам уже ничего не поможет.» Все жутко расстроились, но уже на следующий день, собравшись с духом, «Наутилус» превзошел сам себя. Как водится в истории чуть ли не всех рок-групп, телевидение показало впоследствии первый концерт.

3. «Наутилус» в Японии: иллюзии и реальность

Этой поездки в группе ждали давно и давно к ней готовились. В перспективе вырисовывались какие-то контракты, серия концертов в Токио и, при удачном стечении обстоятельств, целый тур по стране. Сам вариант с Японией возник после того, как один из японских представителей фирм «Вирджин Рекордз» и «Мицубиси» вышел на администраторов «Наутилуса» с пакетом конкретных предложений. По его словам, в Японии группу ждали с распростертыми объятиями. «Сейчас мы летим на гастроли на коммерческой основе, — заявил Бутусов в прессе незадолго до отъезда. — В зависимости оттого, как пройдет эта пятидневная серия концертов, с нами заключат или не заключат долгосрочный контракт. Это будут не стадионные выступления — мы сразу предупредили, что на большие залы не претендуем. Кроме этих концертов в Токио и Осаке мы также отыграем в русском посольстве». В жизни все сложилось иначе. «Все сорвалось в последний момент, — вспоминает Бутусов. — Мы уже были готовы подписать документы и оформлять все бумаги для поездки в Японию, когда неожиданно выяснилось, что представитель „Вирджин Рекордз“ бьется в конвульсиях, отравленный чем-то типа цианистого калия. Тем не менее, Япония была для нас экзотикой, и мы решили все равно туда лететь — правда, без каких-либо гарантий с японской стороны.»

Вспоминает Алик Потапкин: «Незадолго до Японии на одну из репетиций пришел Слава и сказал, что все планы срываются, и будет только один концерт. Все жутко расстроились, а мы с Гогой Копыловым с горя напились и поехали кататься на наутилусовской „Ниссе“. По дороге мы врезались в интуристовскую „Волгу“, и я оказался в милиции — без водительских прав, в незнакомом городе (где жил всего несколько месяцев), да к тому же нетрезвый. Выручили администраторы: через несколько часов меня отпустили, а ремонт двух машин обошелся всего в 600 рублей. То есть, по самому минимуму — как затем выяснилось, питерская милиция во время дежурств любила послушать „Наутилус“. В Японию „Наутилус“ вылетал через день — рейсом из Москвы. Когда вылетали, было шесть часов вечера, и солнце еще не садилось. Когда прилетели, было девять утра, и солнце уже взошло — впрочем, как и полагается в стране восходящего солнца».

В Токио «Наутилус» был три дня. За это время он сыграл

единственный концерт — в каком-то совершенно стремном месте, напоминающем пресс-клуб молодежных японских изданий. Перед «Наутилусом» выступали местные команды — начиная от панк-рока и заканчивая хэви-металлической группой с миниатюрной девушкой-вокалисткой. «Такое впечатление, — вспоминали впоследствии музыканты, — что японцы только что закончили разгружать апельсины и тут же ринулись чесать хэви-металл.» На этом единственном концерте поездку в Японию можно было считать законченной. Когда «Наутилус» вернулся домой, его ждал приятный сюрприз: в хит-параде «Комсомольской правды» группа поднялась до второго места, на котором и оставалась в течение всего лета 91-го года.

4. Юридический фасад «Наутилуса»

От старого «Наутилуса» в наследство группе досталась довольно разношерстная компания администраторов, которые до этого преимущественно занимались делами кинематографа. В частности, до работы с «Наутилусом» Дмитрий Гербачевский был директором картин на «Ленфильме», а его помощник Михаил Милагин, организовавший поездку в Японию, был главным инженером станции техобслуживания и при этом — сыном директора тюрьмы «Кресты». Вскоре после возвращения из Нью-Йорка становится очевидно, что Гербачевский начинает манкировать своими обязанностями, и группа остается без юридического фасада. На «совет старейшин» был в срочном порядке вызван Борис Агрест — директор «Наутилуса» 88-го года, человек, деловые качества которого заслуживают отдельной книги. К этому моменту Агрест уже занимался экспортом-импортом всевозможного сырья в промышленных масштабах и предложил в качестве замены Гербачевскому Андрея Кузьмина, который в свое время выполнял функции роуд-менеджера «Наутилуса».

Милагина решили оставить — человек он был достаточно энергичный, ловкий, и ему поручили заниматься изданием плакатов и кассет в центре под названием «Наутилус», который был зарегистрирован при Управлении Культуры Ленинграда. Спустя три месяца при первой же серьезной финансовой проверке выяснилось, что данный центр вместо выполнения своих прямых обязанностей под маркой «Наутилуса» торгует финской сантехникой и стиральными машинами. После этого сотрудничество с Милагиным завершилось — первая попытка создания собственной юридической фирмы ознаменовалось полным крахом.

Затем на горизонте появилась Ирина Аскольдовна Воскобойникова — деловая энергичная дама, обладающая феноменальными способностями в плане общения с представителями бирж и крупных финансовых структур. Официально Воскобойникова работала бухгалтером нескольких кинокартин, накапливая энергию для решающего броска. «Наутилусу» она клятвенно пообещала создать при киностудии собственную базу группы. Первоначально все шло хорошо. Воскобойникова организовала при «Ленфильме» так называемый «Творческий Экспериментальный Центр», в котором хранились трудовые книжки всех участников группы, роуд-менеджеров и администраторов. Пока «Наутилус» колесил с концертами по

стране, центр жил своей трудовой жизнью. Через полтора года в новоявленную организацию «Рога и Копыта» под предводительством Воскобойниковой пришли мрачные люди в штатском. После проведенной ревизии выяснилось, что Воскобойникова брала немыслимые деньги у каких-то бирж под создание псевдо-фильма о «Наутилусе», а затем большая часть этих средств вкладывалась в антиквариат и недвижимость. Когда представители ОБХСС встретились с музыкантами, искренне пытаясь понять, куда же подевался весь этот антиквариат (сразу трудно было поверить, что так просто и в таких размерах совершались хищения), произошла немая сцена, достойная пера классика. Надо было видеть лица ребят, когда у них стали выяснять, не дарила ли им Воскобойникова шахматного набора со стойкой из малахита и золотыми фигурками.

В скобках заметим, что после выхода из тюрьмы Воскобойникова продала квартиру, раздала часть долгов и организовала «Центр экстрасенсорики» который, в частности, определяет местонахождение пропавших родственников и украденных автомобилей. (Впрочем, куда девались золотые шахматы, центру, очевидно, не известно). Трудовых книжек музыкантов с тех пор тоже так никто и не видел.

Что же касается нового директора группы Андрея Кузьмина, то вскоре после его вступления в должность музыканты стали замечать, что концертов играется достаточно много, а реальных денег получается на удивление мало. На все вопросы по этому поводу Кузьмин отвечал, что группа не пользуется популярностью.

Уход Кузьмина был делом времени. Он произошел во время осеннего тура 91-го года. Этому событию предшествовал «случай в Одессе», когда подвыпивший Кузьмин попытался провести в гримерку мимо ОМОНа барышень из кабака. «Кто такой? Чего прешься в гримерку?» — спросили омоновцы, на что Кузьмин лихо ответил: «Да вы что —..? Я — Кузьмин!!!» Ему почему-то тут же больно ударили по почкам, приговаривая: «Мы шо, в Одессе, Кузьмина не знаем?!».

Через несколько дней после концерта в Сочи Кузьмин жизнерадостно заявил группе, что он ее покидает, так как ему предложили быть директором то ли «Русских Медведей», то ли «Красных Ястребов». «Мы спросили у него, — вспоминает Бутусов: — А кто это? Бандиты, что ли?» На что Кузьмин гордо ответил, что его ждут большие дела, а «Русские Медведи» — это перспективная команда, играющая в американский футбол.

Безнаказанно уйдя из «Наутилуса», Кузьмин оставил в группе своего приятеля Игоря Воеводина, вместе с которым он появился

год назад. Как выяснилось позднее, в середине восьмидесятых Кузьмин и Воеводин вместе сидели в тюрьме. При этом Кузьмин сидел по довольно скользкой статье, а Воеводин сидел по статье «приличной» — «нанесение тяжких телесных повреждений» и, обладая богатырским телосложением, постоянно защищал Кузьмина от нападок.

Воеводин оказался очень порядочным человеком. «Он был и администратором, и завхозом, и всем, кем только возможно», — вспоминает Бутусов. «Воеводин был для нас всем на свете — отцом, братом, другом, — говорит Копылов, — Он постоянно мотался с нами по всем концертам, таскал на себе барабаны и охранял инструменты. Когда мы голодные поздно вечером приезжали в другой город, Воеводин чуть ли не из-под земли находил для нас еду.» Вскоре Воеводин вполне освоился в премудростях директорской деятельности, и в ближайшие три года проблем с «юридическим фасадом» у группы, как правило, не возникало.

5. «Чужая земля»

Летом 91-го года администраторы «Наутилуса» договорились с московской студией «Видеофильм» о записи нового альбома, которую планировалось начать в конце осени. Времени оставалось немного, и группа решила сделать черновую версию записи (т. н. «предвариловку») в студии на Фонтанке.

Этому предшествовали изнурительные репетиции, которые начались ещё во времена зимних полуакустических джемов с Джавадом в Коломяках. Затем вся подготовка переместилась в Ленинградский Дворец Молодежи, где окончательно были доработаны «Монгольская степь», «Эти реки» и «Бесы». Затем «Наутилус» переехал в ДК Железнодорожников — место, где базировалась «ДДТ». «Это был период наших самых сочных перемещений с места на место. Такого количества репетиционных точек у нас не было за всю жизнь, — вспоминает Бутусов. — В тот момент мы постоянно находились в прямой зависимости от спонсоров. А с ними ты чувствуешь себя в положении игрушки, которой очень быстро можно наиграться. При этом игрушки из нас не очень хорошие, не очень веселые.»

В начале лета группа отыграла в Ленинграде концерт, приуроченный к выходу диска «Родившийся в эту ночь», а затем, сознательно отказавшись от всех дальнейших выступлений, сосредоточила силы на создании «Чужой земли». На одну из репетиций Бутусов принес наброски композиции «На берегу безымянной реки» и, показав ее под гитару, сказал: «В идеале она должна быть тропической. Теплой. Хорошей теплой песней.» Музыканты, не сговариваясь, вспомнили о ламбаде. Белкин тут же сочинил симпатичное гитарное соло, и буквально через пару часов песня была готова.

Особенно удачно получилась конечная аранжировка «Прогулок по воде». «Наконец-то нам удалось разложить партии всех трех гитар по своим местам, благодаря чему в музыке резко поубавилось „смурятины“, так сильно переполнявшей „Наугад“», — резюмировал Копылов. В свою очередь Олег Сакмаров считает, что очевидный прогресс в создании нового саунда группы произошел благодаря взаимопониманию, наконец-то возникшему между Беляевым и Белкиным: «Дело в том, что Белкин по своей натуре — упертый рок-н-роллщик, воспитанный на группах типа „Led Zeppelin“, а Беляев внимательно следил за тем, что происходит в современном музыкальном мире и старается играть конструктивную гитарную музыку конца восьмидесятых. Их совместные „поиски истины“ нередко

сопровождались дикими криками, но именно подобные надрывы стали давать классные результаты».

К середине ноября группа завершила сведение «предвариловки», сыграв два концерта с «ДДТ» перед переполненным залом Спортивно-Концертного Комплекса, и отправилась в Москву записывать альбом.

Часть 9. С песней по жизни

1. «Чужая земля» — запись в Москве

Строго говоря, запись на «Видеофильме» продолжалась с декабря 91-го по февраль 92-го года. С точки зрения Алика Потапкина, на ее не совсем удачный конечный результат сильно повлияло досадное происшествие, случившееся с его барабанами. Дело в том, что после осенних концертов в Новосибирске сотрудники «Аэрофлота» по ошибке загрузили часть багажа ленинградского рейса в самолет, который улетал в Ташкент. Среди этого багажа оказались и потапкинские барабаны. Через несколько месяцев они нашлись, но в Москву Алик приехал без собственных барабанов и весь альбом отстучал на электронных плашках «Simmons», стоявших в студии «Видеофильма». «Первые две недели мы с Полковником только тем и занимались, что отстраивали барабаны, — вспоминает Алик. — Я больше мучился, чем играл, и к концу работы из меня уже были выжаты все соки. На предварительной записи на Фонтанке мы использовали живые барабаны, которые сохраняли эмоции, настроение и драйв. Звук электронных барабанов убил все это.»

Одним из важных моментов при подготовке альбома явилось желание Бутусова вернуться в отдельных фрагментах к клавишному звуку. В отсутствие Могилевского все клавишные партии написал Потапкин — на синтезаторе, одолженном у Андрея Муратова из «ДДТ». Он набросал эскизы фортепьянных проигрышей в «Иване Человекове», «Чужой земле» и «Прогулках по воде». Он же сыграл их и на альбоме, наложив партию клавиш в самом конце, — даже после записи вокала. Это были первые студийные эксперименты Потапкина не в качестве барабанщика. Постепенно он становится вторым музыкальным центром «Наутилуса». Во что это всё выльется, показали дальнейшие события, которые не заставили себя долго ждать.

2. Тур с анонимным альбомом

Окончательно запись «Чужой земли» была завершена в самом начале февраля. В это же время был подготовлен макет обложки, сделанный известным свердловским художником Александром Коротичем, автором обложки легендарного альбома «15» группы «Урфин Джюс». Из не вполне понятных соображений на пластинке не было указано ни фамилий музыкантов, ни авторов композиций — только названия песен.

Отдав матрицу альбома на «Русский диск», группа практически сразу отправилась обкатывать программу. Уже в середине февраля «Наутилус» дал три концерта в Свердловске, отмеченных появлением Могилевского с соло на саксофоне в «Прощальном письме», а также забавными рецензиями в местной прессе с настойчивыми резюме о том, что «концерт стоил этих денег». Дальнейшие события развивались следующим образом. Как всегда, выпускающая пластинку фирма срывала оговоренные сроки выхода, и «Наутилус» был вынужден самостоятельно заявлять о ее планирующемся существовании. «По возможности мы отдавали новый материал на радио, — вспоминает Бутусов, — и, приезжая на концерты, глупо улыбались, сообщая при этом, что у нас новая программа.» Из наиболее значительных выступлений того времени имеет смысл выделить летний концерт памяти Цоя в Лужниках — в одной компании с «Бригадой С», «ЧайФом» и фантастически сильно сыгравшим тогда «Калиновым Мостом». В тот день в Москве стояла 30-ти градусная жара: в гримерке у музыкантов находился специальный бассейн, а зрителей периодически поливали водой беззлобные солдаты.

«Наутилус» выступал на закате — даже по телевизору это выглядело удивительно красиво. В их короткую программу вошли акустические версии «На берегу» и «Прогулок по воде», а также вдохновенно сыгранный стоуновский «Paint It Black» и финальная композиция «Все, кто нес» — со словами «Все, что нес, я не донес — значит, я ничего не принес». Эта песня, написанная в 88-м году, не входила ни в один номерной альбом и в тогдашнем гитарном изложении (с Беляевым на втором вокале) выглядела значительно проникновенней и душевней, чем в нынешнем вальсово-клавишном варианте.

Осенью наконец-то появилась долгожданная пластинка, а следом за ней — видеоклип, отснятый Анатолием Берсеньевым по песне «Прогулки по воде». Бескомпромиссная готико-романтическая музыка «Чужой земли» с достаточно жесткими, ритмичными, в меру сентиментальными композициями,

несколько неожиданно нашла отклик у самых разных прослоек слушателей. Презентации альбома, прошедшие в обеих столицах, носили чуть ли не истерически-параноидальный характер. Возможно, свою роль сыграл видеоклип и раскрученные на радио «На берегу», «Монгольская степь», «Чужая земля», не говоря уже о «Прогулках по воде». В итоговом хит-параде за 92-й год сам альбом попал в «топ-10». Бутусов вошел в десятку лучших рок-вокалистов («6-м»), а группа несколько неожиданно очутилась в категории «Возвращение года». Это были неплохие новости, но не они определяли прогноз погоды внутри коллектива. Самым весомым приобретением этого периода оказалось возобновление активного сотрудничества между Бутусовым и Кормильцевым.

3. Возвращение Комильцева

После переезда штаб-квартиры «Наутилуса» в Ленинград Кормильцев еще несколько лет жил в Свердловске. Весной 90-го года он вместе с Леонидом Порохней приехал в Питер, где совместными силами ими был подготовлен сценарий фильма о «Наутилусе». Предполагалось, что картину будет снимать режиссер Виктор Титов — создатель фильмов «Жизнь Клима Самгина» и «Здравствуйте, я ваша тетя». Когда работа над сценарием была завершена, выяснилось, что на «Ленфильме» нет средств на съемки этой картины. Тогда Кормильцев вернулся домой в Свердловск, где начал издавать «МИКС» — журнал о культуре, а Титов принялся снимать новый кинофильм «Анекдоты». В этот замечательный период «Наутилус» жил своей динамичной и обособленной от внешнего мира жизнью. Администраторы группы Кузьмин и Милагин Кормильцева упорно игнорировали, не приглашая его ни в Ленинград, ни на концертные туры. Положение изменилось с приходом в группу Игоря Воеводина. Придя к выводу, что «Наутилусу» вскоре понадобятся новые тексты, Воеводин стал способствовать сближению Кормильцева с группой, и, в первую очередь, с Бутусовым.

Осенью 92-го года Кормильцев переезжает в Москву. Отгородившись от всего мира, он вместе с Бутусовым в пустующей восьмикомнатной коммунальной квартире на Остоженке в течение двух недель создает ряд новых песен. Среди них — «Тутанхамон», «Кто еще», «Железнодорожник», «К Элоизе». После того, как отношения между Кормильцевым и Бутусовым полностью нормализовались, Илья вместе Игорем Воеводиным начал разрабатывать проект под названием «Отчет», приуроченный к десятилетию «Наутилуса». Идея проекта состояла в том, чтобы раздать московским, питерским и свердловским группам лучшие наутилусовские песни — с целью выпуска на пластинках сборника ковер-версий и проведения крупных совместных юбилейных концертов.

Московские команды в силу разных причин расшевелить на сотрудничество не удалось. В Питере группа «Выход», с которой в тот момент сотрудничал Сакмаров, записала «Прогулки по воде», а «Аквариум» с большой проникновенностью сделал «Я хочу быть с тобой» — с Бутусовым на бэк-вокале. Остальные композиции «добили» в Свердловске, причем особенно любопытными получились «Летучий фрегат» в исполнении Насти (с аранжировкой Егора Белкина) и «Эта музыка будет вечной»,

которую целиком аранжировал и исполнил Алик Потапкин (с Вадиком Самойловым на подпевках). Эти две композиции так понравились группе, что даже какое-то время исполнялись на «живых» концертах «Наутилуса».

Параллельно продюсерской работе над «Отчетом» Кормильцев начал ездить с группой по стране. Находясь в самой гуще свердловского рок-н-ролла 80-х годов, он не питал особых иллюзий на тему образа жизни рок-группы на гастролях. Но то, что он увидел в «Наутилусе», потрясло даже его.

Часть 10. В поисках отчета

1. Кризис

«Съездив в несколько городов вместе с группой, я увидел, что ситуация внутри коллектива попросту невыносимая, — вспоминает Кормильцев. — Работать с новым материалом ни у кого не было ни малейшего желания. Порой даже старые композиции исполнялись „Наутилусом“ ниже всякой критики. На концерте в Вильнюсе весной 93 года песню „Тихие игры“ группа пыталась начать шесть (!) раз. Шесть раз три человека играли в разных тональностях — это было жуткое зрелище. В паузах между концертами „Наутилус“ напоминал банду анархистов, возглавляемую вечно пьяными гитаристами. Всеобщая озлобленность и истерические демонстрации протеста постепенно становились нормой жизни группы. В конце концов я не выдержал и напрямую спросил Бутусова: „Слава! Ты еще не устал от этого?“» Вдобавок ко всему, в «Наутилусе» резко ухудшились отношения между музыкантами. Возможно, причина была в бесконечных гастролях, и, как следствие, в накопившейся усталости и раздражении. Основное место в общенервозной ситуации занимал Егор Белкин — с его постоянной нацеленностью на скандалы и последующим выяснением отношений. К его конфликтному и вспыльчивому характеру добавлялись нескончаемые подозрения, что «папики нас все время обманывают». После недолгого затишья в период записи «Чужой земли» вновь резко обострились разногласия между ним и Беляевым.

Саша Беляев, автор очень многих гитарных находок, за спиной которого было музучилище по классу акустической гитары, периодически пытался создать в музыке какие-то стилевые рамки — мол, «давайте определимся» В свою очередь Белкин, зациклившийся на традиционной рок-формуле «Come On, Everybody!», на все предложения Беляева реагировал с поразительной однозначностью: «А на х… это все надо?» К маю 93 года «Наутилус» удерживала вместе только необходимость отыграть юбилейные концерты и поездка в Израиль.

2. Отчет за 10 лет. Концерты в Израиле

Перед отъездом на землю обетованную «Наутилус» дал праздничные концерты в Питере и Москве. Специально чтобы поздравить Бутусова с 10-летием «Нау» в столицу приехали ведущие екатеринбургские группы — «Агата Кристи», «ЧайФ», Настя Полева, «Апрельский марш» и даже легендарный Александр Пантыкин. Были Шевчук и Кинчев — оба с бородой, причем первый исполнял «Прогулки по воде» (на концерте в Питере), а второй — «Гуд бай, Америка». Очень сильно сыграла «Машина времени», показавшая несколько номеров из своей новой блюзовой программы. Большинство проверенных жизнью хитов продемонстрировал и «Наутилус», но мысленно группа была уже на пути в Израиль.

В Израиле их ждал супервосторженный прием. На пяти концертах в Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе публика «рубилась» на концертах так, словно «Наутилус» выступает последний раз в жизни. Музыканты, окрыленные такой реакцией, впоследствии шутили: «Теперь мы знаем, куда делась вся та публика, которая слушала нас в 88 году».

Сверхудачные гастроли в Израиле были омрачены поведением уже совершенно неуправляемого Белкина. Он явно нарывался на драки — заходил в мусульманские мечети в шортах и с сигаретой в руках, в арабских кварталах Иерусалима орал на местных жителей: «Сволочи! Почему вы не продаете пиво?», причем все эти монологи происходили глубокой ночью и на английском языке. Драк не случалось только чудом, так как наиболее пристойное, что слышал в свой адрес Белкин, было вежливое «Fuck you!».

3. Развал. Уход Воеводина

Самое неприятное началось после возвращения из Израиля. Группа отыграла юбилейные концерты в Свердловске, но даже там было заметно, что нервы у всех находятся на пределе. Срыв произошел в Калининграде, когда Белкин устроил в гостинице серию безобразных разборок — с пьянством, швырянием бутылок, плевками в лицо, матом и оскорблениями женщин. Все это выглядело ужаснее, чем шабаши группы «Алиса». Дальше отступать было некуда. Кормильцев с Бутусовым самостоятельно закрыли финансовые договора этого тура и наконец-то созрели для решения, что «пора с этим кончать».

Но, как известно, беда не приходит одна. На этот раз гром грянул с неожиданной стороны. Речь шла об Игоре Воеводине. Дело в том, что в последние полгода Игорь в компании наутилусовских гитаристов начал постепенно утрачивать контроль над собой и положением дел в группе. К моменту пост-израильских событий его здоровье было самым трагическим образом подорвано, и он уже просто физически не мог адекватно воспринимать реальность. Крест на своей директорской карьере Воеводин поставил во время поездки в Ялту. Концерты, состоявшиеся в «Зеленом Театре», прошли в скотских условиях, вместо гостиницы музыканты жили по каким-то частным квартирам… На обратном пути Воеводин вручил паспорта членов группы какому-то деклассированному элементу, который клятвенно пообещал достать билеты на поезд «Симферополь-Москва». С тех пор паспортов никто не видел.

В Москву «Наутилус» возвращался в плацкартном вагоне, всем своим видом напоминая неудачливый стройотряд, который был брошен по дороге их же собственным бригадиром.

Вскоре Воеводин распрощался с «Наутилусом». Он категорически отказывался признать, что болен — на предложение Кормильцева подлечиться и несколько месяцев отдохнуть, он сказал: «Вам самим надо лечиться», и из группы ушел.

4. В поисках выхода

Перед всеми в «Наутилусе» встал вопрос, что же делать в такой ситуации. Правильнее всего было выдержать паузу, какое-то время отдохнув друг от друга. Бутусов решил дать этому составу последний шанс, раздав членам группы конкретное домашнее задание.

«Скандалили мы страшно, но для Славы в тот момент важнее всего была постоянная продуктивная работа и нормальный конечный результат, вспоминает Потапкин. — Еще весной Бутусов купил себе порто-студию, на которую он набросал „рыбы“ абсолютно новых песен. Теперь на время летних каникул Слава предложил каждому из музыкантов подготовить аранжировку одной из песен. Это была своего рода „проверка на вшивость“. Саша Беляев взялся работать с „Полиной“, Потапкин — с „Колесами любви“, Белкин — с композицией „Мне снилось, что…“» («Христос»).

Сам же Бутусов отправился в студию на Фонтанке делать пробную запись будущей программы вместе с музыкантами «Аквариума». «У Бутусова сложились удивительно теплые отношения с ребятами из „Аквариума“, — вспоминает Кормильцев. — Запись продвигалась на редкость удачно, и в студии даже начали идти разговоры о том, чтобы в таком составе (Бутусов-Сакмаров-Зубарев-Рацен — плюс кто-нибудь еще) ездить на гастроли. Узнав об этом, Гребенщиков сказал музыкантам, что они делают большую глупость, и он им этого не простит. Это, мол, означает не просто сменить женщину, а поменяться ею с другом. Бутусов, увидев, что БГ начал высказывать, недовольство, тут же отошел в сторону. К Гребенщикову он относился и относится с почти священным трепетом».

Сама жизнь заставляла Бутусова писать новый альбом каким-то комбинированным составом. Когда пришло время просматривать пресловутые «домашние задания», то выяснилось, что свою аранжировку сделал лишь один Потапкин. Белкин всерьез занялся продюсированием Насти, а ситуация с Беляевым получилась и вовсе запутанная. С точки зрения музыкантов, вопрос о том, чтобы Беляев уходил, все-таки не стоял. Существует версия, что Беляев сам для себя решил: «Все! Я ухожу», — и не приехал на запись. С другой стороны, Беляева никто туда не приглашал — в силу того, что он не был к этой записи готов. Получился замкнутый круг. В итоге, к осени 93 года было ясно лишь одно — в группе стало на двух гитаристов меньше.

Один из последних концертов в данном составе «Наутилус»

отыграл в Питере на концерте памяти Джона Леннона (октябрь 93). «К этому моменту все отношения себя исчерпали, и сама программа, игравшаяся с 91 года, всем надоела по максимуму, — вспоминает Сакмаров. — Так случилось, что кто-то на телевидении записал именно этот концерт в ситуации, когда „Наутилус“ был на излете. Парадокс состоял в том, что спустя пару лет это выступление стали постоянно крутить по 22-му каналу санкт — петербургского круглосуточного телевидения. Волей случая некий выбранный наобум концерт оказался в массовом сознании чуть ли не самым главным».

5. Новый продюсер. Битва за фирму

В ноябре 93 года Илья Кормильцев, отчетливо осознавая всю безнадежность ситуации, объявляет себя продюсером коллектива, не вынося это решение за рамки группы. Основная задача, стоявшая перед ним, состояла в обеспечении в кратчайшие сроки нормальных условий для записи чистового варианта нового альбома «Тиганик». «Когда была готова весьма впечатляющая черновая запись, — вспоминает Кормильцев, — я сделал предложение фирме „Фили“, поставив им довольно наглые по тем временам условия: 15000 долларов аванса, а также неограниченное время работы в студии и „роялти“ в процессе распространения пластинок и кассет.»

«Фили» долго тянули с окончательным ответом и в итоге опоздали на два дня. Когда они наконец-то созрели выпускать «Титаник», группой уже был подписан контракт с «Jeff Records» — фирмой, на которой «Наутилус» издавал «Отчет», а также «Чужую землю» и «Разлуку» на компакт-дисках.

Это была ошибка.

Студия «Jeff Records» находилась в Свердловске — в том самом помещении, где больше десяти лет назад записывался «Урфин Джюс». Затем она была выкуплена у государства одним из местных банков, и на ней на новом современном оборудовании записывалась масса свердловских рок-групп — в частности, большинство альбомов «ЧайФа» и «Агаты Кристи».

Одним словом, тогда казалось, что студия устраивает «Наутилус» по всем параметрам. Вот-вот должна была стартовать запись, как вдруг начались неприятности. Между двумя директорами фирмы «Jeff Records» разразился страшный скандал, в котором были замешаны и деньги, и женщины, и местные бандиты. Власть над студией переходила из рук в руки. Студию то опечатывали, то распечатывали. Никто не знал, кто из двух директоров возьмет верх сегодня, и можно ли будет при этой власти работать завтра. В таких условиях 15 ноября в Свердловске началась запись альбома «Титаник».

6. Запись «Титаника»

По образному выражения Бутусова, «этот альбом делался с пистолетом у виска и с ножом у горла». Тем не менее, несмотря на непрерывные боевые действия вокруг студии, 40-градусный мороз и больные зубы, сам Бутусов просто излучал вдохновение. За ним уже давно была замечена такая привычка — Слава становится веселым, когда вокруг бушует огонь, и начинается дикий прессинг. Создавая музыку к композициям, вошедшим в «Титаник», Бутусов почувствовал переутомление от гитарного саунда. Ему хотелось нового музыкального языка, новых красок, вследствие чего он пришел к идее современного электронно-цифрового саунда. Поэтому звукорежиссером на альбом был срочно рекрутирован Вадик Самойлов, зарекомендовавший себя в этом качестве во время записи последних альбомов «Агаты Кристи» («Позорная звезда») и «Насти» («Невеста»), вдобавок ко всему прекрасно знавший особенности данной студии.

«До начала работы над „Титаником“ я уже успел отслушать альбом в двух вариантах, — вспоминает Самойлов. — Первый вариант составляли Славины черновики, второй — запись на Фонтанке, с живыми барабанами, более аквариумная, психоделическая и более галюциногенная… Я знал, что все нюансы аранжировок были продуманы Бутусовым довольно основательно, и вопрос об их переделывании не стоял. Мне предстояло сохранить лишь те штрихи, которые бы характеризовали общее настроение альбома». Самойлов скромничал. Помимо программирования и работы с цифровой техникой, он предложил более удачную аранжировку к композиции «Негодяй и Ангел», отредактировал коду на «Колесах любви» (уменьшив ее в размерах и заменив гитару на клавиши) и т. д.

Очень большая часть нагрузки выпала на этот раз на долю Потапкина. Пока Бутусов с Самойловым в одной комнате работали с «цифрой», Алик с Полковником в другой комнате прописывали «живьем» большинство гитарных партий. Вообще, с точки зрения того же Полковника, «Титаник» фактически записывали три человека — Бутусов (гитара, вокал), Самойлов (клавиши, гитара) и Потапкин, которому приходилось, помимо гитар и клавиш, иногда даже играть партию баса. Из-за переизбытка клавишного баса на альбоме оказалось значительно меньше живого баса гитары Копылова (в сравнении с предыдущими работами); Сакмаров приехал ближе к концу записи, наиграл на флейте и недавно купленном миди-саксофоне

и вскоре уехал… Теперь он был достаточно плотно занят в «Аквариуме», и работа над «Титаником» была одним из последних штрихов в его сотрудничестве с «Наутилусом», затем, правда, он помогал с оркестровкой мелодий для «Крыльев».

Запись альбома окончательно завершилась 18 февраля 94 года. После ее окончания выяснилось, что в альбом не вошло сразу несколько любопытных композиций — «Абсолют» (с рефреном «Я ухожу в абсолютно белое»), «Умершие во сне» (лейтмотив из которой прозвучал в песне «Воздух») и явный хит «Труби, Гавриил», исполненный в стиле наутиловского пика 87 года. Также в запасниках у Полковника остался невостребованный удлиненный вариант «К Элоизе» — более помпезно сыгранный (в духе квиновской «Night at the Opera»), с гитарными раскладами, хитрой линией баса и с еще одним куплетом, который под планировавшийся видеоклип вскоре пришлось укоротить.

Часть 11. Титанический успех

1. Поиск оптимальных вариантов

Выход «Титаника» был намечен на 28 апреля 1994 года. Переизданные летом и осенью 93 года, «Разлука» и «Отбой» болтались в хит-парадах где-то в районе первой тройки («Разлука» в течение июля и августа возглавляла чарты «Московского комсомольца»), да и потенциал «Титаника» особых сомнений не вызывал. Статус, общественный рейтинг и перспективы группы в этот момент выглядели как никогда обнадеживающими. Одним словом, назревал прорыв. Пока сам компакт-диск печатался в Германии, генштабу группы надо было срочно решить ряд организационных вопросов, самыми актуальными из которых были поиски «директора в пиджаке» и равноценных замен Беляеву и Белкину.

Наевшись пельменей и напившись водки на квартире у Славиных родителей, Бутусов с Кормильцевым раскладывали на столе карточки, на которых были написаны фамилии музыкантов, претендовавших на место в основном составе. Картина получалась следующая:

1) На клавиши сильно рвался Андрей Муратов (экс-«ДДТ»), но ему предпочли Могилевского, который уже с первых чисел марта приступил к репетициям (положение облегчалось тем, что Могилевский уже был знаком с материалом «Титаника» и даже сыграл саксофонную коду на песне «Колеса любви», которая не вошла в альбом по техническим причинам).

2) На бас рассматривалась кандидатура Сергея Галанина («СерьГа»), но в итоге решили оставить Копылова — несмотря на то, что последний своим поведением и менталитетом вносил в группу струю анархизма.

3) В очередной раз говорили о Пантыкине.

4) На место лидер-гитариста Бутусов предлагал каких-то молодых питерских ребят, но в итоге решили оставить Самойлова — с зыбкой формулировкой: «пока будет позволять „Агата Кристи“».

На этом поиски оптимального состава модели «весна-94» были временно прекращены. Значительно сложнее было найти человека, способного толково и с учетом веяний времени запустить всю эту машину в движение. И тут Кормильцев вспомнил о Месхи и Ланде.

2. Новые директора, новая политика

Владимир Месхи и Леонид Ланда появились в Москве еще летом 93-го года в связи с организацией концертов группы «Браво» в Израиле. Яркие, как две экзотических птички, в цветастых рубашках, уверенные в себе, они олицетворяли собой тайны Востока. Об их легендарном коммерческом прошлом можно было создавать стопроцентный бестселлер, в который бы вошли не только их похождения в Израиле (там они познакомились с «Наутилусом» летом 93 года), но и шефство над самобытными рок-группами киевского андерграунда восьмидесятых годов. В столицу тандем Месхи-Ланда прибыл при деньгах — их последним коммерческим подвигом была успешная операция по реализации целого корабля с куриными окорочками. Созвонившись с «Наутилусом», они сразу же предложили группе свою помощь. В марте 94 года между обеими сторонами был подписан годовой контракт о сотрудничестве.

В первую очередь Месхи и Ланда профинансировали аренду новой питерской базы «Наутилуса», на которой буквально с первых чисел марта началась активная работа над концертной версией «Титаника». Во-вторых, новые директора начали серьезную работу с прессой, следствием чего стало появление во многих центральных газетах рецензий на готовящийся к выходу альбом. В-третьих, на собственные деньги они организовали в клубе «Карусель» пресс-конференцию, посвященную появлению «Титаника», которую активно освещало телевидение. И, наконец, на середину июня Месхи и Ланда наметили пафосную презентацию альбома в концертном зале «Россия». Хорошо это или нет, но в считанные недели два молодых человека превратили вечно непредсказуемый «Наутилус» в одну из акул только-только зарождающегося в России шоу-бизнеса.

3. Новый лидер-гитарист

Ланда и Месхи в Москве, а Бутусов и компания в Питере вовсю готовились к июньской презентации. В течение марта и апреля Самойлов и Могилевский создали концертный вариант программы, после чего группа провела разведку боем в Киеве, Белгороде, Воронеже. Перед выступлением в Киеве стало известно, что Самойлов возвращается в «Агату», и ему в экстренном порядке необходимо искать замену. Могилевский предложил своего старого соратника по группе «Ассоциация» Николая Петрова, с которым много лет назад они вместе заканчивали «Чайник» — музучилище имени Чайковского.

«После записи „Титаника“ Могилевский дал мне послушать альбом и предложил поработать с гитарными партиями Потапкина и Самойлова, — вспоминает Петров. — Я давно не следил за внутренними делами группы и ничего не знал об уходе Белкина и Беляева. Поэтому серьезно к предложению Могилевского я не отнесся, предполагая, что найдутся другие кандидаты на их место. За три дня до отъезда в Киев я узнал об уходе Самойлова, который успел подготовить специальную кассету, на одном канале которой была записана вся группа, а на другом — его гитарные партии. Когда мы ехали в Киев в поезде, я всю дорогу сидел в наушниках и потихоньку репетировал на гитаре. Перед самым концертом ко мне подошел Копылов и спросил: „Коля! Ты не волнуешься?“ Я ответил: „Гога, отстань — видишь, мне некогда!“» За три дня Петров выучил все партии и отыграл их в Киеве. После этого концерта «таможня дала „добро“», и в мае 94 года в «Наутилусе» появился новый лидер-гитарист, который остается в группе до настоящего времени.

4. Взятие «России»

Презентация альбома должна была состояться в государственном концертном зале «Россия» 12 и 13 июня. К этому моменту «Титаник», только-только появившийся в продаже, уже успел попасть в «топ-10», на телевидении замелькал видеоклип «Титаник», сделанный Геннадием Акименко, а фирма «Мороз Рекордз» прямо-таки завалила рынок ранними альбомами группы, выпущенными на кассетах и «компактах». Не менее помпезно прошли и сами концерты. Месхи и Ланда всерьез решили «дать гари», пригласив принять участие в презентации большой детский хор (Самойлов расписал им вокальные партии на три голоса), музыкантов из «Браво», «Машины времени» и т. д. В процессе репетиций много мук было с приглашенным отрядом барабанщиц, у которых присутствовали красивые ноги, но наглухо отсутствовало чувство ритма. «На первом концерте они устроили т-а-к-о-е ш-о-у, — вспоминает Потапкин. — На композиции „Воздух“ барабанщицы вступили вовремя, только в другом темпе. Несмотря на то, что ими дирижировал Самойлов, они „потащили“ всю команду назад. На записи второго концерта слышно, как мы заранее замедлили из-за них темп песни».

Так как Вадик Самойлов имел возможность принять участие в акции, на сцене стояли два гитариста. Часть сольных партий играл Петров, часть Самойлов, а всю остальную программу Вадик и Николай разложили на две гитары. В центре сцены стоял Бутусов — с черной гитарой, одетый во все черное и чем-то смахивающий на Дэвида Бирна.

Само шоу было выстроено следующим образом. Под причудливым огнями световых эффектов группа играла два отделения. В первом исполнялись композиции «Титаника», а во втором — классические хиты периода 86–92 годов. С точки зрения музыкантов, сами концерты получились не вполне равноценными. В отличие от первого концерта, второе выступление «Нау» (с которого записывался компакт-диск «Titanic Live») прошел сравнительно удачно. «Я испытывал состояние наркотического опьянения от реакции зала», — вспоминает Могилевский. «А мне после одного концерта в „России“ нужно неделю ничего не делать, а просто лежать, чтобы выйти из коматозного состояния», — говорит Бутусов. Итоги «российского» концерта были таковы: его большая часть транслировалась «Программой А», а запись одного из концертов вскоре вышла на двойном компакт-диске «Titanic Live». Что же касается чартов, то к концу лета композиция «Тутанхамон» возглавила сразу

несколько хит-парадов.

5. «Наутилус» и вывод войск из Гемании

После спокойного и действительно счастливого лета внезапно начались проблемы. Месхи и Ланда настояли на поездке в Берлин на концерт, приуроченный к выводу российских войск из Германии. Пользуясь случаем, директорат «Наутилуса» хотел получить от Министерства Культуры сверхвыгодный договор, но ничего из этой затеи не вышло. Их жестко отодвинули на второй план группа «На-На» и команда Людмилы Зыкиной. Барри Алибасов и народная певица сказали: «Что это еще за мелкие мальчики?»- и сами сняли все сливки. Более того, под вопросом оказался сам факт поездки группы в Германию.

В итоге тандему Месхи-Ланда пришлось несладко, так как во всех средствах массовой информации уже было раструблено об участии «Нау» в этой акции. В самый последний момент вопрос был решен положительно, но только небеса знают, чего это стоило наутилусовскому директорату.

В Берлин группе пришлось лететь на военном самолете с аэродрома в Чкаловске. Это был последний день официального воздушного моста Чкаловск — Шперенберг (российский военный аэропорт под Берлином), поэтому в загранпаспортах музыкантов не сохранилось никаких отметок о пересечении государственной границы. На их пути не встретилось ни таможенников, ни пограничников — кругом царила не поддающаяся описанию неразбериха, и «Наутилус» вместе с «Агатой Кристи» были вынуждены сидеть прямо посреди леса в Шперенберге в ожидании обещанного автобуса. По странной традиции Германия всегда была для «Наутилуса» чем-то вроде Бермудского треугольника, в котором свердловская субмарина с непонятным постоянством сбивалась с истинного пути. Не стал исключением и данный визит.

«Наутилус» выступал перед несколькими тысячами зрителей прямо посреди бывшей Маркс-Энгельс Платц, расположенной невдалеке от рейхстага. Для постороннего наблюдателя вся акция выглядела воплощением концептуального сюрреализма. Концерт открывал хор имени Пятницкого и ансамбль Александрова с актуальным антимилитаристским шлягером «Вставай, страна огромная». Где-то посредине этого бреда на сцене показался «Наутилус» с программой из семи композиций. На десерт была припасена «Гуд бай, Америка», полная аллюзий на текущий момент. Концерт артистов российской эстрады завершали хэдлайнеры в лице группы «На-На» и Людмилы Зыкиной. Под звуки народных мелодий семьи российских офицеров готовились

к возвращению на свою историческую родину.

6. Смена директоров

Непродуманная поездка в Германию сильно подорвала доверие Бутусова к своим директорам. В интервью прессе он напрямую заявил, что в Германии группа оказалась по воле менеджеров:

«Я человек … не то чтобы очень принципиальный, но, если я имею с кем-то договоренность, то стараюсь ее соблюдать. Естественно, может наступить момент, когда я, ничего не объясняя, расстанусь, допустим, со своим администратором, который перестанет меня устраивать. Но до той поры я считаю, что должен выполнять свои обязательства».

В это время группа совершала крупный тур по России, в течение которого за лето-осень 94 года «Наутилус» дал около 70 концертов. После нескольких из них Бутусов созвонился с организаторами концертов на местах с целью уточнить гонорары, выплаченные директорату, и сравнить их с гонорарами, полученными музыкантами. Цифры не совпадали. И Бутусов понял, что добрая старая школа киевско-израильского менеджмента помимо плюсов имеет существенные минусы. Уже позднее выяснилось, что Месхи и Ланда снимали деньги со счетов группы в первую очередь для того, чтобы заткнуть финансовые бреши, возникшие после Берлина и презентации в «России». Возможно, их погубило то, что попросту не хватило духа во всем откровенно признаться группе.

Как бы там ни было, в конце 94-го года контракт между «Наутилусом» и его директорами был разорван. Директором группы стал Александр Пономарев, раньше работавший с «Браво» и помогавший «Наутилусу» в организации концертов в «России».

Часть 12. Новые крылья

1. Год «Крыльев»

Каторжная работа над «Титаником» и его беспримерная раскрутка в конце концов принесли ощутимые результаты. По итогам 94-го года «Наутилус» получил национальную премию «Овация»- как «лучшая рок-группа», в хит-параде «МК» группа заняла второе место. «Титаник» попал в десятку («8-ым»), а Бутусов и Кормильцев вошли в тройку лучших рок-певцов и рок-поэтов соответственно. К концу года от 35 000 экземпляров компакт-дисков «Титаника» не осталось и следа, а количеству кассет и пиратских перепечаток, разошедшихся по стране, уже давно потерян счет. Жаждущие зрелищ народные массы впитывали в себя песни «Наутилуса» со всех сторон — начиная от FM-радиостанций и заканчивая телевидением. Сам же «Наутилус» с марта 95-го года надолго залег на дно — на повестке дня стоял вопрос о создании нового альбома группы.

«Мы пытались его очень тщательно спланировать и очень долго все это делали, — вспоминает Бутусов. — Буквально сразу после завершения записи „Титаника“ мы начали готовить новый материал. Было стремление сделать как можно больше песен, чтобы было из чего выбирать. Я писал „рыбы“ практически до Нового года. Потом шла работа с текстами. И почти полгода мы сидели в студии».

После окончательного отбора выяснилось, что альбом будет содержать только пять свежих композиций — «Небо и трава», «Крылья», «Одинокая птица», «Дыхание» и «Живая вода». Большинство остальных песен были написаны еще в период подготовки «Титаника», а композиция «Золотое пятно» создавалась одновременно с «Бриллиантовыми дорогами». Первоначально альбом планировалось назвать «Усталость» — по названию одноименной композиции. Но в последний момент эта песня (впрочем, как и уже записанная «Заноза») в «Крылья» не вошла.

Альбом создавался с февраля — в помещении, снимаемом группой в течение двух последних лет на «Леннаучфильме». «Идея построения записи была в ее неподотчетности, — говорит Илья Кормильцев. — Музыканты вместе с набросками песен получали полную свободу действий. У них было достаточно времени, чтобы подумать над своими партиями, они работали без постороннего воздействия, как это случалось прежде в случаях с Самойловым или Белкиным. Нам хотелось исследовать резервы и пределы возможностей, чтобы понять на будущее, есть ли необходимость специально приглашать на запись каких-либо

посторонних музыкантов».

«Такой подход к записи имеет явные плюсы, — считает Могилевский. — Никто не выгонял музыкантов из студии, и каждый работал ровно столько, сколько считал для себя нужным».

Иногда подобная тактика давала неожиданные результаты. Коля Петров, откровенно расстаравшись, приносил на каждую песню по 3–4 варианта гитарных аранжировок. В какой-то момент Бутусов, подуставший заниматься прослушиванием, не выдержал и «сломался»: «Коля! Я тебя умоляю — пиши, пожалуйста, только один вариант.» Сам же Бутусов, несмотря на отсутствие жестких сроков, проявил удивительную работоспособность, ежедневно находясь в студии по 10–12 часов.

Кроме клавишных партий Могилевского, записанных на компьютер, все остальные инструменты писались «вживую». «Мне удалось убедить Кормильцева, внезапно увлекшегося новыми технологиями, купить не новейшую модель модернизированной компьютерной мини-студии, а традиционную т. н. „прописочную“ студию», — рассказывает Полковник. — Мы решили не изобретать велосипед, а пойти проверенным путем — так, как это делают на Западе. Нами были приобретены два цифровых магнитофона, на которые на своей студии делалась запись. А все последующее сведение и микширование происходило на новой студии питерского отделения радиостанции «Европа Плюс».

С 8 марта по середину июня в наутилусовской студии происходила прописка треков, а в течение трех июльских недель 18 композиций были уже окончательно сведены. В конце августа Александр Пономарев отдал DAT-кассеты с несколькими песнями из «Крыльев» на радио «Европа Плюс».

С создания альбома «Крылья» началось сотрудничество группы с фирмой грамзаписи Апекс Рекордс. Это был беспрецендетный в истории русского шоу-бизнеса случай, когда фирма грамзаписи взяла на себя финансирование всех стадий создания нового альбома, включая рекламную кампанию по представлению его публике. Громадный успех «Крыльев» стал результатом совместной работы Апекс Рекордс и Наутилус Помпилиус. Будем надеяться, что сложившийся альянс рок-группы и фирмы грамзаписи подарит поклонникам Нау еще много хорошей музыки.

2. Галопом по Европам

Во второй половине сентября «Наутилус» отплыл в Лондон, где в течение пяти дней дал два концерта — в театре «Riverside Studios» (на полусломанных клавишах перед забитым залом мест на 800) и что-то типа «unplugged» в прямом эфире «BBC».

Затем после недельной паузы группа отыграла несколько концертов в Израиле, на которых в точности повторилась картина двухлетней давности. Ажиотаж во время выступлений в Тель-Авиве, Хайфе и Иерусалиме был неописуем — несмотря на то, что большую часть программы составляли совершенно незнакомые публике композиции из «Крыльев». Итак, вопреки мировой практике, обкатку новой программы «Наутилус» начал за рубежом. Группа целенаправленно готовилась к столичной презентации альбома, которая состоялась с 26 по 28 октября в здании Московского Дворца Молодежи.

3. «Крылья» над Москвой

Презентации предшествовала пресс-конференция, на которую представители масс-медиа прореагировали крайне своеобразно — начиная от уровня задаваемых вопросов и заканчивая ее последующим освещением в прессе. Из всего общения были выделены только два момента: очередная новая прическа Бутусова и заявление Кормильцева о том, что «мы не можем вас ничем заинтересовать, так как не являемся ни наркоманами ни педерастами». О музыке, естественно, не было написано ни слова.

Концертам предшествовало два «мини-ЧП», связанных с выпуском тиража кассетных альбомов и продажей билетов в городских кассах. И если проблему с кассетами удалось в режиме аврала решить (первая часть тиража была привезена прямо на концерт), то с билетами произошла необъяснимая путаница. По чьей-то нерасторопности около 1000 билетов оказались прозаично запертыми в сейфе и в продажу не поступили. В результате на первом концерте зал был заполнен процентов на 70, зато у входа в МДМ спекулянты подняли цены на билеты в несколько раз.

Сама презентация состояла из двух отделений. В первом отделении игралось одиннадцать новых композиций, причем концерт открывался увертюрой-фантазией на тему суперхитов «Наутилуса» в исполнении Русского филармонического оркестра под управлением Игоря Кантюкова. Сама сцена представляла собой многоярусное сооружение, на последнем уровне которого «зависали» Могилевский и Коля Петров, а где-то посередине помещались Потапкин и приглашенный из «Динамика» барабанщик Андрей Шатуновский. Финал концерта состоял из песен «Я хочу быть с тобой» и «Гуд бай, Америка», причем во время саксофонного соло Могилевского в воздухе а-ля «Форрест Гамп» плавно вальсировали лебединые перья, медленно засыпавшие сцену.

Ко многим песням из новых программ студией «Пирайя» был смонтирован специальный видеоряд, который проецировался на большой экран на сцене и сопровождал исполнение песен.

После трех московских концертов, получивших на редкость противоречивый резонанс в прессе, группа выступила в Санкт-Петербурге, а также совершила осенне-зимний тур по городам Урала и Восточной Сибири. В 96-й год группа входила с отличным настроением: магнитоальбом «Крылья» возглавил хит-парад «Музыкального Олимпа», а сама одноименная композиция вышла на вторую позицию декабрьких чартов «Московского

Комсомольца».

Часть 13. Начало наутилусоведения

1. Акустические планы

Дух экспериментаторства, охвативший группу во время презентации «Крыльев» и приведший к появлению на сцене МДМ видеоряда, симфонического оркестра, лебединых перьев и многоярусной конструкции, породил идею сделать акустическую программу — впервые за всю историю «Нау». Практически все российские рок-группы уже давно имели в своем активе такой опыт — начиная еще с эпохи «квартирников». «Nautilus Pompilius» всегда был электрическим, так сказать — «220 х 50», и впервые готовился предстать перед народом в акустическом варианте. Этот эксперимент был в первую очередь интересен самим музыкантам и воспринимался как своего рода тест на профессионализм — в отсутствие электричества становится очевидно, кто чего стоит. Поэтому на создание новых аранжировок и вообще на подготовку к этой акции было потрачено немало и сил, и времени, и нервных клеток. Результатом оказались поистине триумфальные концерты, которые были на одном дыхании и с необычайным подъемом отыграны группой 1,2 и 3 марта в Москве перед бушующей «Горбушкой».

Отбирая материал для программы, Вячеслав Бутусов отказался от неизменных хитов вроде «Гуд бай, Америка» и «Я хочу быть с тобой», которые, по выражению одной газеты, он поет усталым голосом, потому что они ему «осточертели до зеленых веников», и решил воскресить песни, звучавшие некогда из всех окон в период повальной «наутилусомании» — «Рвать ткань», «Наша семья», «Просто быть», «Хлоп-хлоп», «Праздник общей беды» и незабвенного «Алена Делона» («Взгляд с экрана»). Казалось, эти вещи уже никогда не прозвучат больше «живьем» со сцены — но на этот раз настал праздник для многочисленных поклонников «Наутилуса» конца 80-х.

Начать концерт именно с них было мудрым психологическим ходом — уже с первой песни публика радостно включилась в происходящее на сцене. Начиная с «Алена Делона» и до конца концерта зал пел стройным и мощным хором вместе с Бутусовым, по временам заглушая группу, — которая, напомним, выступала без электричества.

Вторым блоком программы unplugged, выстроенной по хронологическому принципу, стали композиции из альбомов начала 90-х — «Наугад» и «Чужая земля», далее следовали несколько песен из «Титаника» и «Крыльев». Принцип отбора был таким же и в этом случае — наряду с несколькими хитами,

постоянно находившимися на слуху («Прогулки по воде», «Утро Полины»), прозвучали раритетные номера — вроде «Музыки на песке», «Мне снилось, что…» или полузабытого «Ивана Человекова», которые обрели в акустике вторую жизнь и новое звучание. Завершающим номером стал «Тутанхамон» причудливо аранжированный в азиатском духе с тюркскими руладами саксофона.

Акустический альбом «Nautilus Pompilius», записанный на живых выступлениях группы в ДК им. Горбунова, будет выпущен звукозаписывающей компанией АПЕКС РЕКОРДС весной 1996 г., а программа «Nautilus Pompilius Unplugged», несмотря на дополнительные технические сложности, неизбежные при работе с акустикой, будет показана в нескольких российских городах.